

ЭЛИЗАБЕТ ДЖЕЙН ГОВАРД

ХРОНИКА СЕМЬИ
КАЗДЕТ

КНИГА ПЯТАЯ

ВСЕ МЕНЯЕТСЯ

Хроника семьи Казалет

Элизабет Джейн Говард

Все меняется

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Говард Э.

Все меняется / Э. Говард — «Эксмо», 2013 — (Хроника семьи Казалет)

ISBN 978-5-04-109695-3

1950. Матриарх семьи Казалетов, всеми любимая Дюши, уходит из жизни, закрывая за собой дверь в мир усадеб и слуг, классовых различий и нерушимых традиций, в котором Казалеты процветали. Луиза, теперь разведенная, влюбляется, но ее роман оказывается не таким уж безоблачным. Полли и Клэри тем временем пытаются найти баланс между семьей и собственными амбициями. Хью и Эдвард, которым перевалило за шестьдесят, ощущают себя потерянными в новом мире. Вилли, которую уже давно оставил муж, должна наконец научиться быть самостоятельной. Но главные испытания ждут Рейчел, которая всегда жила для других... Кульминация ждет все семейство в Хоум-плейс, где в Рождество новое поколение Казалетов смело вступит в свои права. Только одно можно сказать наверняка – жизнь уже никогда не будет прежней.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-109695-3

© Говард Э., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Список персонажей	6
Предисловие	8
Часть 1	9
Часть 2	30
Часть 3	44
Часть 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Элизабет Джейн Говард

Все меняется

Elizabeth Jane Howard
THE CAZALET CHRONICLES
ALL CHANGE
Volume 5 of The Cazalet Chronicle
Copyright © Elizabeth Jane Howard 2013

ХРОНИКА СЕМЬИ КАЗАЛЕТ

Книга пятая

Все меняется

Перевод с английского Ульяны Сапциной
Дизайн переплета и разработка серии Андрея Саукова
В оформлении переплета использована иллюстрация Марины Мовшиной

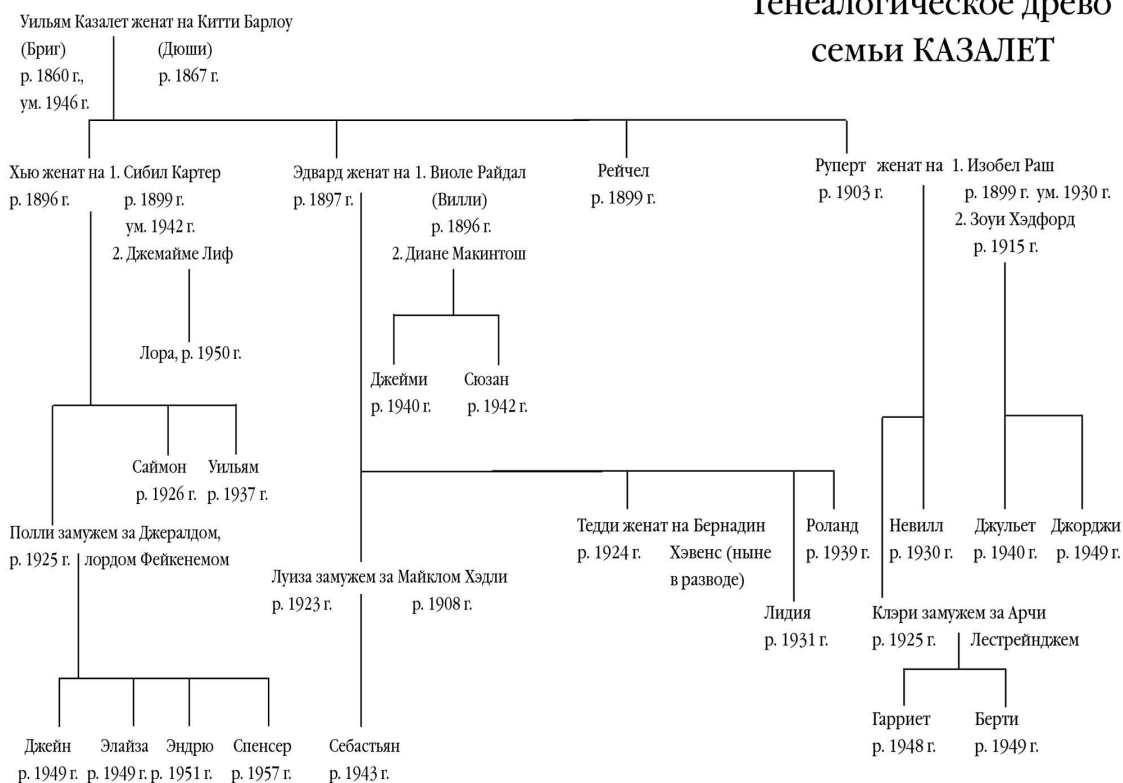
© Сапцина У., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается Хилари и Джералду

Генеалогическое древо семьи КАЗАЛЕТ

Список персонажей

УИЛЬЯМ КАЗАЛЕТ, известный как Бриг (ныне покойный) Китти Барлоу, или Дюши
(его жена)

ХБЮ КАЗАЛЕТ, старший сын
Джемайма Лиф (его вторая жена)

Лора

Сибил (его первая жена, умершая в 1942 г.)

Полли (замужем за Джералдом, лордом Фейкенемом; их дети: Джейн, Элайза, Эндрю,
Спенсер)

Саймон

Уильям, он же Уиллс

ЭДВАРД КАЗАЛЕТ, второй сын
Диана Макинтош (его вторая жена)

Джейми

Сюзан

Виола Райдал, или Вилли (его первая жена)

Луиза (ранее замужем за Майклом Хэдли, ныне в разводе; их сын Себастьян)

Тедди (ранее женатый на Бернадин Хэвенс, ныне в разводе)

Лидия

Роланд, он же Роли

РУПЕРТ КАЗАЛЕТ, третий сын

Зоуи Хэдфорд (его вторая жена)

Джюльет

Джорджи

Изобел Раш (его первая жена, скончалась родами Невилла)

Кларисса (она же Клэри, замужем за Арчи Лестрейнджем; их дети: Гарриет и Берти)

Невилл

РЕЙЧЕЛ КАЗАЛЕТ, единственная дочь

Марго Сидней, известная как Сид (ее пара)

ДЖЕССИКА КАСЛ (сестра Вилли)

Реймонд (ее муж)

Анджела

Кристофер

Нора

Джуди

Миссис Криппс (кухарка)

Эллен (няня)

Айлин (горничная)

Тонбридж (шофер)

Макалпайн (садовник)

Мисс Миллимент (ранее – гувернантка Луизы и Лидии, ныне – компаньонка Вилли)

Предисловие

Следующее краткое вступление предназначено для тех читателей, которые не знакомы с хрониками семьи Казалет, первые четыре тома которых называются «Беззаботные годы», «Застывшее время», «Смятение» и «Исход».

С лета 1945 года Уильям и Китти Казалет, которых в семье называют Бриг и Дюши, вели тихую жизнь в своем поместье Хоум-Плейс в Суссексе. Бриг умер в 1946 году от бронхопневмонии; Дюши живет все там же. Она не одинока: у нее с мужем четверо детей – незамужняя дочь Рейчел и трое сыновей. Хью овдовел, но уже не скорбит по своей первой жене Сибил, вместе с которой они растили троих детей – Полли, Саймона и Уиллса; недавно Хью женился на Джемайме Лиф, которая работала в семейной лесоторговой компании «Казалет». Эдвард расстался с женой Вилли и намерен жениться на своей любовнице Диане, от которой у него двое детей. Руперт, пропавший без вести во Франции во время Второй мировой войны, вернулся к своей второй жене Зоуи, детям от первой жены, Клэри и Невиллу, а также к Джульет – дочери, которую Зоуи родила в 1940 году, уже после исчезновения Руперта. После непростой встречи супруги успешно восстанавливают отношения в браке.

Эдвард купил для Вилли дом. В нем она не особенно счастливо живет вместе с Роландом, ее младшим сыном. К себе она взяла также пожилую гувернантку семьи, мисс Миллимент. Сестра Вилли, Джессика, и ее муж стали состоятельными людьми благодаря наследству от престарелой тетушки. Их сын Кристофер, пацифист и вегетарианец, ушел в монастырь.

Дочь Эдварда Луиза мечтала стать актрисой, но в девятнадцать лет вышла замуж. Вскоре она рассталась с мужем, художником-портретистом Майклом Хэдли, и оставила ему маленького сына Себастьяна. Брат Луизы, Тедди, во время подготовки на базе ВВС в Аризоне женился на американке. Он привез Бернадин к себе на родину, в Англию, но она не прижилась там, бросила его и вернулась в Америку.

Полли и Клэри жили вместе в Лондоне. Полли работала в сфере оформления интерьеров, а Клэри – в литературном агентстве. По работе Полли познакомилась с Джералдом Лайлом, лордом Фейкенемом, и побывала в его родовом поместье, дом в котором нуждался в реставрации. Начать работу мешала нехватка денег, но Полли обнаружила в доме целую коллекцию картин Дж. М. У. Тёрнера, средств от продажи части которой могло хватить на ремонт. Полли и Джералд ныне женаты.

Роман Клэри с литературным агентом стал для нее несчастным, однако она нашла утешение в литературном творчестве, которое всегда влекло ее. Поощряемая Арчи Лестрейнджем, давним другом ее отца, она закончила свой первый роман. В ранней юности Клэри Арчи относился к ней по-отечески, но со временем они сблизились настолько, что полюбили друг друга и, по-видимому, решат пожениться.

Рейчел живет ради других людей, с чем нелегко смириться ее подруге, а ныне любовнице Марго Сидней, или Сид, преподавательнице игры на скрипке. Сид настолько тяжело переживала необходимость делить любимую с другими, что у нее завязался роман с другой женщиной. Когда Рейчел узнала правду, на некоторое время они с Сид отдалились друг от друга, но с тех пор помирились и теперь счастливы.

События романа «Все меняется» начинаются девять лет спустя, в 1956 году.

Часть 1

Июнь 1956 года

Рейчел

– Теперь уже недолго.

– Дюши, милая!..

– Мне так спокойно, – Дюши ненадолго прикрыла глаза: разговоры утомляли ее – впрочем, как и все остальное. Помолчав, она продолжила: – Ведь я, как-никак, превысила срок, отпущенный нам мистером Хаусменом. На двадцать лет! Но «краше всех деревьев» – в этом я никогда не могла согласиться с ним¹, – Дюши взглядела в измученное лицо дочери – лиловые синяки под глазами от недосыпа, губы сжаты от стараний не расплакаться, – и невероятным усилием подняла руку. – Ну-ну, Рейчел, дорогая, не надо так сокрушаться. Это меня расстраивает.

Рейчел взяла дрожащую исхудалую руку матери в сложенные вместе ладони. Нет, расстраивать ее нельзя: это было бы эгоистично. Материнская рука, испещренная пигментными пятнами, так истаяла, что золотой браслет наручных часов свободно болтался на ней с неудобно повернутым циферблатом, обручальное кольцо съехало до середины сустава.

– А какое дерево выбрала бы ты?

Она увидела, как от богатства выбора лицо ее матери оживилось – серьезный вопрос...

– Мимозу, – вдруг сказала Дюши. – Этот божественный аромат! Так и не удалось вырастить ее, – она провела рукой по одеялу и принялась беспокоиться опрять его на себе. – И никого уже не осталось из тех, кто звал меня Китти. Ты себе представить не можешь... – она вдруг словно поперхнулась и попыталась откашляться.

– Сейчас принесу воды, дорогая.

Графин пустовал. Рейчел нашла в ванной бутылку молвернской воды, но когда вернулась с ней, ее мать была уже мертва.

Дюши так и не сменила позу на высоких подушках, которые она особенно любила: одна рука на одеяле, другая сжимает косу, в которую Рейчел каждое утро заплетала ее волосы. Глаза остались открытыми, но прямо и подкупающая искренность, которые всегда читались в них, исчезли. Невидящий взгляд устремлялся в никуда.

Потрясенная Рейчел, не задумываясь, взяла поднятую руку матери и осторожно положила на одеяло к другой. Одним пальцем она бережно закрыла ей глаза, наклонилась поцеловать в прохладный белый лоб, а потом застыла на месте, и на нее обрушился шквал бессвязных мыслей – будто внезапно открылся некий шлюз. Воспоминания детства. «Нет никакой лжи во спасение, Рейчел. Ложь – это ложь, и прибегать к ней нельзя никогда». Как Эдвард выпалил ей, встав на кровати: «С ябедами я не разговариваю». Но ему влетело, и больше он никогда так не делал. Душевное равновесие, которое редко казалось нарушенным – разве что однажды, после проводов во Францию Хью и Эдварда, восемнадцати и семнадцати лет от роду соответственно, со спокойной улыбкой, пока поезд медленно отходил от вокзала Виктория. А потом она отвернулась и вынула крошечный кружевной платочек, который всегда носила под наручными часами. «Они же еще мальчишки!» Снизу на запястье этой же руки была маленькая, но

---

¹ Согласно стихотворению А. Хаусмена, «вишня краше всех деревьев» (в пер. О. Анстей), а человеческий век – «семь десятков» лет (прим. пер.).

заметная клубничная родинка, и Рейчел вспомнилось, как она гадала: может, платочек она для того и носит, чтобы скрыть ее, и как ей вообще пришло в голову беспокоиться о таких пустяках. Но Дюши случалось и плакать: от смеха – над выходками Руперта, который с малых лет смешил всех вокруг; над детьми Руперта, особенно Невиллом; над людьми, которых она считала напыщенными; слезы так и струились у нее по лицу. А еще – над циничными викторианскими стишками: «Парень с винтовкой, веселый и ловкий. Винтовка бах, парень – в прах» и «Папа, в чем-то красном рельсы! В клюквенном варенье? – Тише, дети, это мама после столкновения». И музыка трогала ее до слез. Она была удивительно талантливой пианисткой, играла дуэтом с Майрой Хесс, обожала Тосканини и его записи симфоний Бетховена. Наряду с умеренностью, правил которой она придерживалась (не мазать тост к завтраку сразу и сливочным маслом, и джемом; жареное мясо подавать на стол сначала горячим, его остатки – холодными, а под конец – мелко нарезать и смешать с отварными овощами; тушеную рыбу – раз в неделю, к ней фруктовый компот и бланманже, которое Дюши называла «формочки», или рисовый пудинг), у нее имелась еще и частная жизнь, а в ней, помимо музыки, – садоводство, которое она обожала. Она выращивала в особом парнике крупные ароматные фиалки, в саду – сортовую гвоздику, темно-красные розы, лаванду, любые растения со сладким, приятным запахом, и вдобавок всевозможные плоды, фрукты и ягоды: желтую и красную малину, помидоры, нектарины, персики, виноград, дыни, клубнику, огромный красный десертный крыжовник, смородину на джем, инжир, ренклоды и другие сливы. Детей манили в Хоум-Плейс вазы, полные выращенных Дюши фруктов.

Ее отношения с Бригом, ее мужем, были всегда окутаны покровом викторианской таинственности. Будучи ребенком, Рейчел воспринимала родителей только применительно к себе: ее мать, ее отец. Но проведя в одном доме с ними всю свою жизнь и продолжая беззаветно любить их, она с возрастом научилась относиться к ним как к двум нисколько не похожим друг на друга людям. Они и впрямь были совершенно разные. Бриг – общительный до грани эксцентричности, способный привести домой к ужину кого угодно, познакомившись в клубе или в поезде по пути домой, а иногда и пригласить гостей на выходные, даже не подумав предупредить своих домашних – им он представлял новых знакомых как увлеченных рыбаков или охотников и тут же демонстрировал свой недавний трофей – очередного лосося, оленя или дикого гуся. После чего Дюши – с еле уловимым оттенком упрека – невозмутимо подавала гостям отварную баранину и бланманже.

Затворницей она не была, но ее полностью устраивала собственная разрастающаяся семья, дети и внуки, и всех трех своих невесток она приняла благосклонно. Но личный мирок она хранила в строгой тайне: проделки ее детства (в духе «яблочный пирожок в постели»), в том числе дерзкие игры в «сардинки» в некоем уединенном шотландском замке, всплывали лишь мельком, когда она утешала рассказами кого-нибудь из внуков, свалившегося с дерева или сброшенного с седла пони. Ее отец, дедушка Барлоу, был видным ученым, членом Королевского общества. Из четырех сестер она считалась красавицей (хотя всегда казалось, что она понятия об этом не имеет). Зеркало, учила она Рейчел, существует для того, чтобы проверять, гладко ли причесаны волосы и не криво ли приколота брошка.

В преклонных годах, когда занятия садоводством стали затруднительными, Дюши регулярно ходила в кино, в основном на Грегори Пека, от которого была без ума...

Я слишком мало расспрашивала ее. Почти ничего о ней не знала. Рейчел, вспомнившую о пятидесяти шести годах, прожитых бок о бок, сейчас это ужаснуло. Все эти утренние часы с приготовлением тостов, пока Дюши кипятила на спиртовке воду для чая, все летние дни, проведенные в саду у дома, весь этот уют маленькой столовой, когда снаружи холодало, в дни каникул – с внуками, которым полагалось съесть один ломтик простого хлеба с маслом и лишь после этого получать джем или кекс, но гораздо чаще – только вдвоем: Дюши подшивала на машинке шторы для Хоум-Плейс, шила красивые платья из индийского шелка, синие и

вишневые, с вафельными сборками – сначала для Рейчел, затем для внучек – Луизы и Полли, Клэри и Джульет, и даже для мальчишек, Тедди, Невилла, Уиллса и Роланда, пока им не исполнилось три или четыре года и они не отказывались носить девчоночью одежду, а Рейчел тем временем сражалась с вязанием для начинающих – шарфами и рукавичками. Сколько их было связано за нескончаемые годы войны – один страшный месяц за другим с вечным ожиданием писем и ужасом перед телеграммами...

Она росла единственной дочерью в семье, и если не считать трех полных невыносимой тоски лет, проведенных в закрытой школе, ни разу не покидала дом надолго. Каждые каникулы она умоляла разрешить ей остаться – «за каждый волосок на моей щетке там делают замечание по поведению», помнится, всхлипывала она, и Дюши ответила на это: «Так не оставляй на ней ни волоска, мой утеночек».

Ее жизненная роль сводилась к тому, чтобы заботиться о других, не удостаивать вниманием собственную внешность, понимать, что мужчины важнее женщин, ухаживать за родителями, устраивать семейные трапезы, распорядиться слугами, которые все до единого, как мужчины, так и женщины, обожали Рейчел за ее заботы и неравнодушные к их жизни.

Но теперь, когда не стало обоих родителей, казалось, что и труд всей ее жизни завершен. Теперь она могла проводить с Сид столько времени, сколько они обе пожелают; тревожащее чувство свободы свалилось на нее; вопрос, услышанный однажды от юного ученика школы, где поощрялось свободомыслие – «должны ли мы всегда делать то, что нам нравится?» – относился теперь и к ней.

Она отдавала себе отчет, что стоит возле смертного одра своей матери, ошеломленная бессвязным потоком мыслей, понимала, что плачет, что у нее невыносимо болит спина и что дел предстоит еще множество: позвонить врачу, связаться с Хью – он наверняка не откажется обзвонить вместо нее остальных, Эдварда, Руперта и Вилли, – и конечно, с Сид. Надо еще объявить слугам... и тут она спохватилась: с тех пор, как закончилась война, прислугу в доме составляли мистер и миссис Тонбридж; дряхлый садовник, которому артрит в последнее время не давал даже скосить траву на лужайках; девушка, трижды в неделю приходившая убирать в доме, и Айлин, уезжавшая домой ухаживать за больной матерью и уже успевшая вернуться. Рейчел перевела взгляд на свою дорогую мать: она выглядела умиротворенно и удивительно молодо. Вынув белую розу из вазочки, Рейчел вложила в руки Дюши. Маленькая родинка клубничного цвета на запястье стала заметнее, часы съехали на кисть. Рейчел сняла их и положила у постели.

Едва она открыла большое окно с частым переплетом, как теплый воздух, напоенный ароматами роз, растущих под окном, мягко влетел в комнату на крыльях легкого западного ветра, раздувающего кисейные занавески.

Она вытерла лицо, высморкалась и, проверяя, способна ли говорить, не заливаясь слезами, произнесла вслух:

– До свидания, родная моя.

И покинула комнату, чтобы заняться новым днем.

Семья

– Ну что ж, кому-то из нас придется поехать. Нельзя же допустить, чтобы бедняжка Рейчел справлялась своими силами.

– Конечно, нельзя.

Эдвард, уже собиравшийся объяснить, что не может просто взять и отменить обед с людьми, в ведении которых находятся национализированные железные дороги, заметил, что Хью начал потирать лоб жестом, предвещающим очередную из его жестоких мигреней, и решил избавить брата от первых мучительных формальностей.

– А что насчет Рупа? – спросил он.

Под обаяние Руперта, младшего из братьев, формально входящего в правление, подпадал каждый; он был бы очевидным кандидатом, если бы не его неумение принимать решения, склонность принимать в расчет мнение каждого встречного, будь он подчиненным или клиентом, и следующая из этих качеств ненадежность, когда речь шла о пользе дела. Эдвард пообещал, что сразу же поговорит с ним.

– Ему все равно надо сообщить. Так что не беспокойся, старина. А на выходных мы поедем все вместе.

– Рейчел сказала, что она ушла тихо и мирно, – об этом он уже упоминал, но повторения явно утешали его. – В каком-то смысле конец эпохи. Теперь первые на очереди – мы, ведь так?

При этом оба вспомнили о Первой мировой, но промолчали.

Дождавшись, когда Эдвард уйдет, Хью полез за своими таблетками и отправил мисс Корли за сэндвичем к обеду. Он знал, что едва прикоснется к еде, но зато не даст ей лишнего повода хлопотать вокруг него, уговаривая поесть.

Не снимая темных очков, он прилег на кожаный диван и заплакал. Невозмутимость Дюши, ее искренность, то, как она приняла Джемайму и двух ее сыновей... Джемайма. Если теперь он первый на очереди, рядом с ним Джемайма – невероятный зигзаг удачи, каждодневная радость. После смерти Сибил он думал, что отныне все его чувства будут доставаться только Полли, а она, естественно, выйдет замуж, что и произошло, и обзаведется своими детьми, как она, разумеется, и сделала, и до конца его дней ему уже ни для кого не быть на первом месте. Как же мне повезло, думал он, снимая очки, чтобы вытереть их.

* * *

– Дорогая, ну конечно же, я приеду. Если поспешу, то успею на поезд в четыре двадцать – как думаешь, Тонбридж сможет встретить меня? Рейчел, только не волнуйся за меня. Я в полном порядке – это был всего лишь легкий бронхит, и вчера я уже вставала. Привезти тебе что-нибудь?.. Ладно. До встречи после шести. Пока, милая.

И она положила трубку, пока Рейчел не предприняла еще одну попытку отговорить ее.

Нетвердой походкой поднимаясь по лестнице, она вдруг поразилась масштабам предстоящих перемен. Она по-прежнему была слаба, хотя дивный пенициллин нанес по болезни серьезный удар. Решив обойтись без обеда, она уложила вещи в чемодан с таким расчетом, чтобы нести его было не слишком тяжело. Смерть матери стала ударом для Рейчел, но теперь она, Сид, сумеет о ней позаботиться. И они наконец смогут поселиться вместе.

Сид любила Дюши и восхищалась ею, но слишком уж долго и чересчур часто время, отпущенное им с Рейчел, сокращалось, когда Рейчел считала, что нужна матери. После смерти Брига стало только хуже, несмотря на любовь и внимание троих сыновей Дюши и их жен. Последняя ее болезнь оказалась тяжким испытанием для Рейчел, не отходившей от матери с самой Пасхи. Ну, теперь-то все кончено, и Рейчел в ее пятьдесят шесть лет наконец сможет с полным правом сказать, что живет собственной жизнью, но Сид прекрасно понимала, как это встревожит ее – по крайней мере, поначалу: как птицу, выпущенную из привычной клетки на бескрайний простор. Рейчел понадобится и поддержка, и защита.

На вокзал она прибыла так рано, что у нее очень кстати осталось время, чтобы съесть сэндвич и передохнуть. Терпеливо отстояв очередь, Сид разжилась двумя ломтями губчатого серого хлеба, чуть смазанными ярко-желтым маргарином, с необычайно тоненьким ломтиком похожего на мыло чеддера посередине. Свободных мест почти не оставалось, она попыталась присесть на чемодан, но по некоторым признакам сразу поняла, что долго он не продержится. А еще через несколько мгновений какой-то дряхлый старик освободил место на переполненной лавке, оставив номер «Ивнинг стандарт» с заголовком «Бёрджес и Маклин проводят длинный

отпуск за границей». Их фамилии, поставленные рядом, звучат как марка печенья, подумалось Сид.

Огромным облегчением стало попасть наконец в поезд после борьбы с приливной волной выходящих из него пассажиров. Вагон был грязным, обивка сидений – пыльной и вытертой до основы, пол пестрел сигаретными окурками. Сквозь закопченные стекла едва удавалось хоть что-то разглядеть. Но когда наконец дали гудок и поезд накренился и запыхтел, проезжая по мосту, усталость частично покинула Сид. Сколько раз она совершала эту поездку вместе с Рейчел! Сколько было выходных, когда верхом блаженства казалось прогуляться вдвоем, когда все их поступки были продиктованы осторожностью и скрытностью. Даже когда Рейчел встретила ее с поезда, машину вел Тонбридж и слышал каждое сказанное между ними слово. В те времена просто находиться рядом с Рейчел было настолько чудесно, что долгое время она ни в чем другом не нуждалась. А потом захотела большего, захотела Рейчел в своей постели, и тогда возникла скрытность нового рода. Влечение и все хоть сколько-нибудь напоминающее его приходилось утаивать – не только от всех остальных, но и от самой Рейчел, как нечто пугающее и непостижимое для нее. А потом она заболела, и Рейчел сразу явилась выхаживать ее. А потом... При воспоминании о том, как Рейчел предложила себя, у нее до сих пор наворачивались слезы. Может быть, подумала она теперь, величайшее из ее жизненных достижений – приобщение Рейчел к радостям плотской любви. И даже сейчас, с ироничной усмешкой размышляла она, приходится вести постоянную борьбу с угрызениями совести Рейчел, с ее убежденностью, что она не заслуживает таких наслаждений и не вправе ставить их превыше долга.

Остаток пути Сид предавалась строительству невероятных и упоительных планов на будущее.

* * *

– О, Руп, извини. Я могла бы присоединиться завтра, потому что детям не надо в школу. Но ты все-таки лучше позвони и узнай, не против ли Рейчел. Хочешь, я сама сообщу Вилли?.. Ладно. Тогда до завтра, дорогой, – будем надеяться.

С тех пор как Руперт начал работать в компании, их дела заметно поправились, удалось даже купить дом-развалюху в Мортлейке, у реки. Запросили за него не много, шесть тысяч фунтов, однако он был в плачевном состоянии, а когда река разливалась, на цокольном этаже начинался потоп – несмотря на ограду в саду перед домом и препятствие в виде тумбы, с которой когда-то садились верхом, возле места, где раньше стояли ворота. Но все это Руперта нисколько не волновало: он влюбился в прекрасные окна с частыми переплетами, в великолепные двери, в изумительную комнату во всю длину дома на втором этаже, с симпатичными каминами в обоих концах; а еще – в подпотолочные карнизы, украшенные поясом иоников, и в спальни, анфиладой занимающие весь верхний этаж и заканчивающиеся единственной крошечной ванной и уборной, которые осовременили в сороковых годах с помощью ванны цвета сомон и блестящего черного кафеля.

– Я его обожаю, – заявил Руперт. – Это дом как раз для нас, дорогая. Конечно, придется вложить в него немало труда. Говорят, там бойлер неисправен. Но это же мелочи. Ведь тебе он нравится, правда?

И она, разумеется, сказала «да».

Руперт и Зоуи переехали в этот дом в пятьдесят третьем, в год коронации, и с некоторыми «мелочами» действительно пришлось разбираться: пристроить к кухне прачечную и судомойню с новым бойлером, плитой и раковиной. Но позволить себе центральное отопление они не могли, поэтому в доме всегда царила прохлада. А зимой – холодрыга. Руперт возражал: зато дети могут смотреть гребные гонки прямо из окон, но к этой перспективе Джульет осталась равнодушна: «Кто-нибудь из них обязательно должен победить, правильно? Значит, все

заранее известно». А Джорджи заявил, что интересно будет, только если лодки столкнутся. Джорджи уже минуло семь, с трехлетнего возраста он был помешан на всякой живности. Ему принадлежал, как он сам говорил, целый зверинец: белая крыса по кличке Риверс, две сухопутные черепахи, которые постоянно терялись в глубине сада за домом, шелкопряды по сезону, садовый уж – еще один виртуозный мастер побегов, пара морских свинок и волнистый попугайчик. Он страстно мечтал о собаке, кролике и большом попугае, но его карманных денег пока на такие приобретения не хватало. О своем зверинце Джорджи писал книгу, и однажды ему крепко влетело за Риверса, тайком пронесенного в школу в ранце. Теперь, пока Джорджи уходил на учебу, Риверс сидел в клетке, хотя Зоуи знала, что в Хоум-Плейс ее сын отправится вместе с питомцем – впрочем, по мнению Руперта, крысом он был на редкость тактичным, так что зачастую его присутствия никто не замечал.

Зоуи готовила чай, а к нему – сэндвичи с сардинами и овсяное печенье, испеченное утром, и размышляла, что теперь будет с Хоум-Плейс. Рейчел наверняка не захочет жить там одна, но братья могут владеть им совместно, хотя это почти наверняка означает, что все отпуска и выходные там они и будут проводить, а она рвалась за границу – во Францию или в Италию. В Сен-Тропе! Венецию! Рим!

Хлопнула входная дверь, глухо стукнул ранец, сброшенный на выложенный плиткой пол в прихожей, в дверях возник Джорджи в школьной форме: белой рубашке, серых шортах, теннисных туфлях и белых носках. Все, чему полагалось быть белым, имело бледно-серый оттенок.

– А где твой блейзер?

Он удивленно оглядел себя.

– Не знаю. Где-то там. Мы играли. А на игру блейзер можно не надевать, – его чумазая мордашка блестела от пота. На приветственный поцелуй Зоуи он ответил небрежными объятиями. – Ты дала Риверсу морковку?

– Ох, совсем забыла.

– Ну, мам!..

– Дорогой, ничего с ним не делается. Еды у него полно.

– Не в этом дело. Морковка – для того, чтобы он не скучал. – Он ринулся в прачечную, в спешке опрокинув стул, и вскоре вернулся с Риверсом на плече. Вид у Джорджи по-прежнему был укоризненный, но Риверс явно ликовал, тыкался ему в ухо и зарывался под воротник рубашки. – Несчастный блейзер не идет ни в какое сравнение с жизнью крысы.

– Блейзеры не несчастные, и Риверс не голодал. Не болтай чепухи.

– Ладно, – он сверкнул настолько обаятельной улыбкой, что она, как обычно, ощутила прилив любви к нему. – Можно мы выпьем чаю прямо сейчас? Страшно хочу есть. На обед нам дали отравленное мясо и лягушачью икру. Форрестера прямо на все и вырвало, так что я есть не смог.

Они устроились на углу стола. Она отвела его влажные волосы со лба.

– Надо дождаться Джулс. А пока я тебе кое-что расскажу. Сегодня утром умерла Дюши. Тихо и мирно – так сказала тетя Рейчел. Папа сегодня уезжает в Хоум-Плейс, и мы, возможно, поедем туда же завтра.

– Как она умерла?

– Понимаешь, она ведь была очень старенькая. Под девяносто лет.

– Для черепах это не возраст. Бедная Дюши. Мне так жаль, что ее там больше не будет, – он шмыгнул носом и достал из кармана шорт неописуемо замызганный носовой платок. – Пришлось вытирать им колени, но к ним просто прилипла земля.

Дверь хлопнула во второй раз, в кухню вошла Джульет.

– Извините, что опоздала, – сказала она, явно не чувствуя за собой никакой вины, выпуталась из школьного блейзера и красного галстука и бросила их на пол вместе с ранцем.

– А где твоя шляпа, детка?

– У меня в ранце. Всему есть предел, и эта шляпа – точно он.

– Ты же ее всю скомкала, – сказал Джорджи тоном, в котором тонко сочетались восхищение и развязность. Пятнадцатилетняя Джульет была на восемь лет старше его, и Джорджи отчаянно жаждал ее любви и внимания. А она обычно колебалась между небрежной приветливостью и суровой критикой. – А знаешь что? – добавил он.

Джульет капризно бросилась на стул.

– Боже! Ну что?

– Дюши умерла. Умерла сегодня утром. Мама мне сказала, так что я узнал раньше тебя.

– Дюши? Какое горе! Ее убили или что?

– Нет, конечно. Она умерла тихо и мирно с тетей Рейчел.

– И тетя тоже?

– Да нет же. В смысле, тетя Рейчел была рядом с ней. В твоём возрасте с убийствами обычно еще не сталкиваются, – добавила Зоуи.

Джорджи стремительно уничтожал сэндвичи, кусочки которых перепали Риверсу.

– Мамочка, а нам обязательно пить чай в обществе этой крысы? – И почувствовав, что ее вопрос прозвучал слишком жестоко, Джульет добавила тоном героини школьной постановки: – Я так расстроилась, что не смогу проглотить ни крошки.

Зоуи, прекрасно осведомленная о повадках своей на редкость красивой дочери (еще бы, ведь в ее возрасте у самой Зоуи были такие же), утешительно произнесла:

– Конечно, ты расстроена, детка. Всем нам грустно, ведь мы любили ее, но она же была совсем старенькая, так что это даже хорошо, что больше ей не придется мучиться. Съешь хоть что-нибудь, детка, и тебе станет полегче.

– А еще, – продолжал Джорджи, – папа уехал в Хоум-Плейс, и все мы завтра с самого утра тоже поедem, если тетя Рейчел согласится. А она точно согласится.

– Ну, мама! Ты же хотела сводить меня в магазины, за джинсами! Ты обещала! – При одной мысли о таком предательстве Джульет разразилась настоящими слезами. – В будние дни некогда из-за этой противной школы, значит, придется мне ждать еще целую неделю. А у всех девчонок уже есть. Так нечестно! А может, с утра по магазинам, а уедем дневным поездом?

Зоуи, которой было совсем не до затяжных скандалов, ограничилась неубедительным:

– Поживем – увидим.

Джорджи подхватил:

– И все мы знаем, что это значит. Что по-твоему не будет, только пока мы этого тебе не скажем.

Полли

– Лучше бы я подгадала по времени к каникулам.

Она стояла на коленях перед унитазом, переживая приступ изнурительной тошноты из тех, какие в последнюю неделю случались каждое утро. Унитаз был допотопный, дергать цепочку пришлось дважды. Она поплескала в лицо холодной водой, а когда струя будто нехотя потеплела, вымыла руки. На более основательное мытье не осталось времени. Пора было готовить завтрак детям – тошнотворная вонь яичницы сразу выбивала ее из колеи, но дети могли обойтись и яйцами вкрутую.

У постели стояла банка для печенья в стеганом чехле из пестрого ситца – наследие ее свекрови, полное сухих галет «Карр». Она грызла их, сидя в постели. Две предыдущие беременности научили ее кое-каким премудростям. Еще восемь или десять недель – и тошнота бесследно исчезнет, сменившись продолжительной стадией болей в спине.

– Это вовсе не значит, что я не люблю их, когда они наконец рождаются, – объясняла она Джералду. – Просто слишком уж много мороки в ожидании. Будь я, к примеру, дроздом, мне достаточно было бы посидеть недельку-другую на симпатичных аккуратных яичках.

– А ты вспомни про слонов, – утешал он, глядя ее по голове. – У них это длится два года.

В другой раз он сказал: «Жаль, что я не могу взять все это на себя». Джералд часто говорил, как бы он хотел делать все необходимое для нее, но не делал никогда. Ему не давалось ни принятие решений, ни действия в соответствии с собственными сумбурными выводами, к чему бы они ни относились. Единственным, в чем Полли могла быть полностью, всецело и непоколебимо уверенной, оставалась его любовь к ней и их детям. Поначалу это поражало ее: сведения о супружеских отношениях она черпала из романов и, казалось, твердо знала, что они переходят от стадии восторженной влюбленности к спокойной удовлетворенности тем, что в дальнейшем составляет положение вещей, но в жизни все оказалось совсем иначе. Любовь Джералда к ней пробудила в нем свойства, которые в ее представлении были мужчинам не присущи. Ровную и неизменную мягкость и доброту, прозорливость, неиссякающий интерес ко всему, что она думала и чувствовала. Еще тайное чувство юмора – почти со всеми он держался застенчиво, а шутки приберегал для нее и умел быть уморительным, – но, пожалуй, главный его талант проявился в умении быть отцом. Он не отходил от нее ни на шаг все время, пока длились первые затяжные роды, расплакался, когда на свет появились близнецы, и с тех пор активно выполнял родительские обязанности и с ними, и впоследствии, два года спустя, – с Эндрю. «Надо же нам как-то населить этот дом». Он спокойно воспримет и этого, четвертого ребенка, – она точно знала: вероятно, он уже что-то почувствовал и теперь только ждал, когда она сообщит ему.

Ей удалось влезть в блузку, сарафан и сандалии, расчесать волосы медного оттенка и собрать их в хвост. Тошнота прекратилась, но насчет готовки она пока сомневалась. Благодаря удивительному кладу – коллекции картин Тернера, которую они с Джералдом обнаружили во время первого осмотра дома почти десять лет назад, – им удалось починить несколько акров площади крыши и перестроить одно крыло здания в комфортабельный дом с большой кухней, где за едой хватало места им всем, второй ванной и просторной комнатой для игр, поначалу служившей дневной детской. Няне предложили теплую комнату внизу, но она настояла на том, чтобы спать по соседству с детьми: «О, нет, миледи. Негоже моим малышам спать на другом этаже. Неправильно это». Ее точного возраста, хоть и явно преклонного, никто не знал, ее мучил недуг, который она именовала своим ревматизмом, но ковыляла бодро, ее зрение и слух со временем почти не пострадали. С годами пришлось еще много чего подправлять и улаживать. Нянины представления о роли, которую родителям полагается играть в воспитании своих детей (мама пьет чай с ними, раздетыми как куколочки, потом вместе с папой приходит поцеловать их на сон грядущий), в силу необходимости претерпели значительные изменения. Этого добился Джералд. С точки зрения няни, он был непогрешим, поэтому если ему припало желание купать своих детей, читать им и даже на ранних этапах менять им подгузники, она приписывала все перечисленное его эксцентричности, зная, что она свойственна высшим классам. «У всех есть свои маленькие слабости» – так она обычно высказывалась, сталкиваясь с тем, что не могла одобрить или не понимала.

Несмотря на все старания, оставшийся преимущественно неотрестованным огромный эдвардианский дом все еще подавлял Полли масштабами задачи. Он требовал постоянного внимания. Комнаты приходилось регулярно проветривать в целях борьбы с сыростью, которая неуклонно распространялась по зданию, оставляя на своем пути обвисшие неряшливыми фестонами обои, заражая мансарды и коридоры мелким черно-крапчатым грибок, похожим, как однажды заметил Джералд, на обозначения диспозиции наполеоновских войск перед битвой. Дети, или, по крайней мере, близнецы с друзьями, играли в нескончаемые прятки, «сардинки» и игру собственного изобретения под названием «чудища с фонариком». Эндрю реши-

тельно протестовал, когда его не брали в игру, и несколько раз Элайза уступала, но он всякий раз умудрялся потеряться и расплакаться. «Я же тебе говорила, мама: ему не понравится», – объясняла Джейн. Подобные споры были каждодневным явлением, и Джералд обычно вмешивался с очередным планом восстановления мира и спокойствия.

Он встретил Полли у подножия лестницы известием, что Дюши умерла. Руперт уехал в Хоум-Плейс и должен был сообщить дату похорон, как только ее назначат.

Рейчел

– Уж я ей и пашот сварила. Такие она всегда ела в охотку.

– Я-то что могу поделаться, миссис Тонбридж? Отнесла ей поднос в маленькую столовую, а она только – спасибо, мол, не хочу ничего.

Яйцо-пашот остывало на своем ложе из пропитавшегося сливочным маслом тоста. Айлин с надеждой посматривала на хозяйский завтрак. Если миссис Тонбридж не польстится на него из приличия, птицам он не достанется.

– Я наверху все ставни закрыла, – доложила она. – А мисс Рейчел сказала еще, что сегодня приезжает мистер Руперт. Просила вас зайти.

– Так что же вы сразу не сказали? Она что, думала, я мешкать стану, если старшая хозяйка лежит наверху? – Она свирепым жестом втокнула в прическу одну из выбившихся заколок-невидимок, сняла передник, оправила на груди платье и вышла.

Врач уже приходил, патронажная сестра обещала зайти позднее. Тонбриджу не мешало бы съездить в Бэтл за покупками – на выходные соберется семья. Да, и еще мисс Сидней приезжает поездом в четыре тридцать – он не мог бы встретить ее?

– Хозяйство я оставлю на вас, миссис Тонбридж, – приготовьте что-нибудь полегче и попроще. – Ей в самом деле были невыносимы даже мысли о еде...

Этот разговор породил в миссис Тонбридж противоречивые чувства. С одной стороны, правильно мисс Рейчел выказывает всяческое уважение к покойной матери, но с другой, бедняжка еле держится и, как было достоверно известно миссис Тонбридж, последние несколько недель ела как птичка. Так не годится. Прослужив в семье кухаркой без малого двадцать лет – поступила к ним задолго до женитьбы с Тонбриджем, но и раньше ее почтительно звали «миссис Криппс», как обычно кухарок в те времена, – все хозяйские привычки и пристрастия она знала наперечет. Мисс Рейчел, как ее мать, любила простую еду и понемножку, но с тех пор, как старшая хозяйка заболела, разве что ковырнет в тарелке, и все.

– А что, если я пришлю вам чашечку славного горяченького консоме, а потом вы приляжете вздремнуть к приезду мистера Руперта?

Понимая, что подчиниться будет гораздо проще, чем отнекиваться, Рейчел поблагодарила ее и согласилась.

Айлин, принеся консоме, застала ее лежащей на жесткой и усаженной пуговицами узкой кушетке – полезной для ее спины, как утверждала Дюши. Со стороны Дюши эта уступка была более чем существенной, так как сама она всю жизнь просидела на жестких стульях с прямыми спинками и никогда, ни при каких обстоятельствах не стремилась к большему комфорту. Кушетка, в сущности, тоже причиняла неудобства, хоть и совсем иного рода, однако Рейчел умудрялась устроиваться на ней почти уютно, подсовывая под поясницу подушечку.

Прибегнув к тону, который в семье прозвали «церковным», Айлин спросила, не опустить ли жалюзи и не принести ли ей связанный крючком плед – на случай, если она захочет поднять ноги повыше. Мелкими глотками отпивая консоме, Рейчел согласилась и на то, и на другое, посмотрела, как Айлин, похрустывая коленками, опускается, чтобы развязать шнурки на ее практичных туфлях (горничную явно мучил ревматизм), помогает ей поднять ноги на кушетку и старательно кутает их в плед. А потом с такой осторожностью, словно Рейчел уже спала,

Айлин на цыпочках подошла к окну, опустила жалюзи и почти бесшумно выскользнула из комнаты. Чувства, думала Рейчел. Все это свидетельство чувств к Дюши. Если жест относился к ней лишь косвенно, она могла принять его. Поставив чашку, она легла спиной на бархат в жестких пуговицах. Милая моя мама, начала было думать она, и едва несколько усталых слезинок выкатились из-под ее век, погрузилась в милосердный сон.

Клэри

– Напрасно ты так переживаешь, радость моя. Ведь это же только на одну неделю. Всего неделя в доме на колесах. Будет чудесно – не только разнообразие, но и отдых.

Клэри не ответила. Если Арчи считал, что неделя в трейлере вместе с детьми хотя бы отдаленно похожа в ее представлении на отдых, значит, он либо спятил, либо ему все равно, каково придется ей, потому что разлюбил ее.

– И обойдется гораздо дешевле. В прошлый раз нам пришлось потратить целое состояние, устраивая мелюзге вылазки по всему Лондону и бесконечные обеды вне дома. Вдобавок на одно и то же они никогда не соглашаются. А в мои времена детям полагалось всего два подарка – один на день рождения, один на Рождество.

– Поверить не могу, что ты считаешь поездку вчетвером на машине, а потом вместе с ней на пароме, и аренду трейлера способом сэкономить! Ты просто хочешь во Францию.

– Само собой, я хочу съездить во Францию, – сердясь, он повысил голос, отложил кисточку, которую протирал, и обернулся к ней – сгорбленной над раковиной в попытках оттереть от овсянки кастрюлю. Волосы свесились, лезли ей в лицо. – Клэри, девочка моя! Мне так жаль!

– Чего тебе жаль? – Голос прозвучал сдавленно. Он подошел и повернул ее лицом к себе.

– Слезы у тебя прямо-таки непомерно велики, моя дорогая. И ты действительно моя дорогая, о чем я тебе твержу как минимум десять последних лет. Ну как, начинает доходить?

Она вскинула руки, чтобы обнять его за шею: он был гораздо выше ростом.

– Может, стоило все-таки жениться на Полли?

Он притворился, будто размышляет над ответом.

– Да нет, не думаю.

После его поцелуя она спросила снова:

– Или на Луизе?

– Ты как будто забыла, что ее увели у меня из-под носа – я даже опомниться не успел. Нет уж... приходится довольствоваться тобой. Я искал писательницу, никудышную кухарку, что-то вроде одаренной замарашки. И вот, пожалуйста. Только готовить ты стала лучше. Нет, дорогая, мне пора. Некий чванливый старый хозяин из Почтенной Компании Сардиноторговцев будет сидеть в мастерской и ждать, когда я напишу его безобразную дряхлую физиономию. И мне уже не терпится опозлить мое искусство.

– Мне кажется, – заговорила она, глядя, как он собирает кисти, – ты мог бы взять и написать хороший портрет. Просто пиши его таким, как видишь.

– Исключено. В этом случае от него откажутся. И плакала целая тысяча фунтов. Тогда можно считать, что нам повезло, если удастся провести отпуск в трейлере где-нибудь на обочине Большого западного шоссе.

Мы оба сотни раз заводили такие разговоры, думал он, шагая к автобусной остановке на Эджвер-роуд. Я успокаиваю ее, она всегда советует писать только то, что мне хочется. Но он не возражал. Ради Клэри он был готов на все. Ему понадобилось время, чтобы осознать: крайняя незащищенность ее детства – смерть матери, отец, пропавший без вести во Франции почти на всю войну, вполне возможно, погибший – могли безболезненно проявиться только по прошествии времени. Естественно, десять лет брака и появление двоих детей преобразили

положение целиком и полностью: с их первых совместных месяцев, еще сравнительно беспечных; лет, пока они путешествовали или жили в мастерской и спали на балконе над ней, когда стесненность в средствах ни на что не влияла, когда он искал заказы и писал пейзажи – и порой их брали на общие выставки в Редферн, а однажды даже на Летнюю выставку Академии, – когда она написала свой второй роман и его похвалил Джон Давенпорт, – чудесное было начало. Но с появлением сначала Гарриет и следом за ней Берти – «я прямо крольчиха какая-то!», всхлипывала она в кухонную раковину, – им пришлось подыскивать жилье побольше, и с двумя младенцами на руках у Клэри не осталось ни времени, ни сил, чтобы писать. А он был вынужден совмещать живопись с преподаванием.

На летние каникулы они ездили в Хоум-Плейс, несколько раз провели Рождество у Полли, но Клэри была безалаберной хозяйкой, и помимо хронической нехватки денег, они еще регулярно запаздывали с оплатой счетов. С тех пор как дети пошли в школу, Клэри подрабатывала корректором, в основном надомно, а миссис Тонбридж, добрая душа, научила ее готовить хэш из единственной банки солонины, запекать цветную капусту с сыром и пудинг с беконом почти без бекона. Клэри купила книгу Элизабет Дэвид о французской кухне, и чеснок (неведомый до конца войны) определенно улучшил положение. Чеснок и снова появившиеся в продаже бананы, которые Гарриет и Берти ценили наравне с мороженым, дополнили меню; гораздо более серьезную проблему представляла дороговизна. Бараньей лопатки за тринадцать шиллингов хватало лишь на два раза, и обрезков на фарш почти не оставалось. Если Клэри добывала корректорством три фунта в неделю, то заработки Арчи всегда оставались неопределенными: порой неделями ему не платили ничего, а потом вдруг появлялась довольно крупная сумма. Тогда они звали к детям приходящую няню и устраивали себе вечер с походом в кино и «Синюю мельницу» – дешевенький кипрский ресторан, где подавали каре ягненка, долму и восхитительный кофе. Домой они возвращались пятьдесят девятым автобусом, она клала голову ему на плечо. И часто засыпала – он знал об этом, потому что ее голова и его плечо становились ощутимо тяжелее. Надо было разориться на такси, часто думал он во время слишком длинного пути пешком по улице до дома. Там они заставляли миссис Стерджис дремлющей над вязанием, он расплачивался с ней, а Клэри шла проведать детей, у которых была одна маленькая спальня на двоих. Берти спал, обложившись с обеих сторон четырнадцатью плюшевыми зверюшками и сунув в рот лапу самой любимой из них, маргитки. Гарриет лежала ровно на спине. На ночь она расплетала косички и раскидывала волосы, подняв их вверх, – «для холодка», как она однажды объяснила. Когда Клэри целовала ее, таинственная легкая улыбка проскальзывала по ее лицу, прежде чем оно снова застывало в строгой безмятежности сна. Ее дорогие, прекрасные дети... Но такие удачи выпадали редко, а финалом обычных дней становилась бурная сумятица детского ужина и купания.

Иногда ужин готовил Арчи, а Клэри вычитывала гранки. Бывало, к ужину приходили ее отец Руперт вместе с Зоуи и приносили что-нибудь вкусное – копченую лососину, мятный шоколад «Бендикс». Руперт и Арчи сдружились еще во времена учебы в Слейде, задолго до войны, а очевидная враждебность Клэри к хорошенькой мачехе смягчилась и переросла в дружеские узы. Мальчишки, Джорджи и Берти, были ровесниками, обоим исполнилось семь, и несмотря на разные интересы – у Джорджи зверинец, у Берти музей, – они прекрасно проводили каникулы вместе в Хоум-Плейс. Каким же он был для них спасением, этот дом, – с Дюши и Рейчел, которые всегда радовались им! Поэтому утром, когда Арчи уехал писать портрет своего воротилы из Сити, а Клэри отбирала детскую одежду для предстоящей недели во Франции, звонок Зоуи и известие о смерти Дюши стали для нее потрясением. Все в семье знали, что Дюши больна, но в телефонных разговорах с Рейчел звучало неизменное «она держится молодцом», «думаю, она уже идет на поправку» и тому подобное. Рейчел не хотела расстраивать их – так, по словам Зоуи, сказал Руперт.

Нет, думала Клэри, это слова самой тети Рейчел. Странно: как раз когда люди не желают кого-нибудь расстраивать, они расстраивают друг друга сильнее, чем когда-либо. Бедная тетя Рейчел! Ее Клэри было даже жалче, чем Дюши, которая прожила долгую и безоблачную жизнь и умерла в своем доме, на руках дочери. Но мне жаль и бабушку, поправилась она. А может, только себя одну, ведь она была рядом всю мою жизнь, мне будет недоставать ее. Клэри всплакнула, присев к кухонному столу. Потом позвонила Полли.

– Уже слышала. Дядя Руперт сообщил Джералду.

– Не знаешь, когда похороны?

– Наверное, к концу недели назначат, – казалось, Полли в легком шоке.

– Понимаю, это звучит ужасно, но мы собирались во Францию и теперь, конечно, не поедем, если из-за этого придется пропустить похороны. Просто я тут подумала... – Клэри умолкла.

– Ну, вы же сможете поехать позже, правда? Извини, Клэри, мне пора. Эндрю разгуливает на свободе. А сегодня он как раз прохлаждается раздетым. Джералд повез девочек в школу, а потом няню к врачу, удалять зуб. До скорого, – и она повесила трубку.

Некоторое время Клэри сидела неподвижно, глядя на телефон. Ее тянуло позвонить Арчи, но он терпеть не мог, когда его отвлекали во время сеансов позирования. Казалось, чувство вины взяло ее в осаду. Умер человек, которого она любила, а она тревожится лишь о том, как это скажется на их отпуске и финансах. Арчи пришлось заранее заплатить и за трейлер, и, наверное, за их билеты на паром. Второй раз позволить себе такие расходы они, скорее всего, не смогут. И поездкам в Хоум-Плейс конец: невозможно представить, чтобы тетя Рейчел осталась жить там одна... Мысли о деньгах в такой момент коробили, выглядели проявлением скарденности. Раньше она вообще не думала о деньгах, а теперь, казалось, только о них и думала все время. Ее глаза снова наполнились слезами, она еще раз заплакала – на этот раз о своей дрянной натуре.

Снова занявшись детской одеждой, она обнаружила, что на сандалиях Берти дыра на большом пальце, то есть ему нужны другие, размером побольше, а значит, и дороже. Вот опять. Обувь стоит денег. Все стоит денег. Она высморкалась и решила приготовить рыбные котлетки к детскому чаю. В рецепте говорилось про консервированную лососину, но у нее была только жестянка сардин. Если положить в них побольше картофельного пюре, немножко томатного кетчупа и яйцо, чтобы не развалились, должно получиться четыре довольно крупные и еще не успевшие приесться котлетки; а потом, во втором часу, она позвонит Арчи – как раз его толстосум-натурщик уйдет обедать. Предвкушая разговор с ним, она неожиданно воспряла духом.

Вилли

И, само собой, появиться на похоронах я не смогу, ведь там будет Эта.

Такие мысли, горькие и повторяющиеся без конца, зудели в ее голове растревоженным осиным гнездом.

Прошло уже девять лет с тех пор, как Эдвард ушел от нее, и она сумела слепить какую-никакую жизнь для себя. Балетная школа, которую она открыла вместе с Зоуи, еле держалась на плаву, пока наконец не закрылась. Беременность Зоуи, их с Рупертом переезд в такую даль и безуспешные попытки Вилли найти нового делового партнера, отвечающего ее требованиям, добились школы.

Некоторое время после этого ей приходилось довольствоваться домом, который купил ей Эдвард. Роланд уже уехал в закрытую школу, где ему, к сожалению, нравилось. Поначалу она ждала (или даже жаждала?) отчаяния малютки, который уже лишился отца (ей бы и в голову не пришло разрешить ему познакомиться с Этой, поэтому отца он видел раз в семестр, когда

Эдвард возил его обедать), а теперь и ее, своей любящей матери. В воображении ей рисовались всхлипы по телефону и горестные письма, но ближайшим подобием этих картин стало его письмо: «Дорогая мама, мне скушно прескушно. Тут вообще нет ничего чтобы поделаться». С тех пор он писал в основном про какого-то Симпсона-старшего и невероятные выходки, которые тот устраивал, ухитряясь не попасться. Но мисс Миллимент, гувернантка ее самой и ее дочерей, по-прежнему была с ней; выяснив, что из ее родственников в живых нет уже никого, Вилли приютила ее на всю оставшуюся жизнь. Благодарностью за это стал неизменный поток любви, трогающей ее израненное сердце. Кухонные предприятия мисс Миллимент всякий раз оборачивались катастрофой, так как она мало что видела и не стряпала с тех пор, как скончался ее отец, а это случилось через несколько лет после Первой мировой войны, поэтому вся ее помощь заключалась в кормлении птиц и иногда – трех черепах, а также походах в ближайшие магазины, если Вилли забывала купить что-нибудь. Занималась она главным образом редактированием философского труда, над которым работал один из ее бывших учеников. По вечерам они по очереди читали вслух «Войну и мир». Так что когда Вилли взялась за скудно оплачиваемую и нудную конторскую работу в одном благотворительном обществе, куда уговорила ее пойти богатая кузина ее матери, единственным утешением для нее стали возвращения домой, где ее кто-то ждал.

Вся семья тоже была добра к ней. Хью и его милая молодая жена Джемайма иногда звали ее на ужин, Рейчел неизменно навещала, бывая в Лондоне, Дюши обычно приглашала в Хоум-Плейс, когда в школах шел учебный семестр. Тедди появлялся раз в месяц. Он работал в семейной компании, но разговоры на эту тему не складывались, потому что он то и дело спохватывался, чуть не упомянув об отце – довольно давно выяснилось, что эта сфера в доме Вилли под запретом. Беда в том, что ей постоянно казалось, будто бы ей уделяют внимание только из жалости. Как большинство людей, жалеющих себя, она считала, что это право должно принадлежать лишь ей одной. И называла его гордостью.

Нет. Кого она по-настоящему любила, так это Роланда (как ей только могло прийти в голову когда-то всерьез задуматься, как бы избавиться от него?) и милую мисс Миллимент, которая просила называть ее Элеонорой, но Вилли сумела лишь раз, сразу после того самого разговора с просьбой.

Надо написать Рейчел, которая была чудесной дочерью обоим родителям – не то что моя, думала она. Луиза навещала Вилли из чувства долга, когда та болела, – готовила ужин, если требовалось, поддерживала светскую беседу, но о себе почти не рассказывала, чередуя уклонение от вопросов с хаотичными попытками шокировать слушательницу. И ее мать в самом деле испытывала шок. Когда Луиза внезапно объявила: «Зато теперь у меня богатый любовник, так что за меня можешь не беспокоиться», последовала ледяная пауза, и лишь потом Вилли спросила так спокойно, как только могла: «А благоразумно ли это?» Луиза ответила, что нет, конечно же, но волноваться не о чем, она же не позволит ему содержать ее. Этот разговор состоялся в спальне Вилли, вдали от ушей мисс Миллимент. «Только прошу тебя, не надо об этом при мисс Эм», – взмолилась она, и Луиза ответила, что и не собиралась.

Из ее театральной карьеры ничего не вышло, но она была рослой и тонкой, с пышными светлыми волосами и бесспорно красивым лицом – с высокими скулами рыжеватого оттенка, широко расставленными глазами орехового цвета и ртом, который смущал Вилли, напоминая чувственные портреты прерафаэлитов. Луиза давно развелась с Майклом Хэдди, который немедленно женился вновь на своей прежней любовнице, отказалась от какого бы то ни было содержания и кое-как перебивалась сама, поселившись в квартирке над бакалеей вместе с этим синим чулком, ее подругой Стеллой. Вилли побывала у них лишь однажды, явившись без предупреждения. Там все провоняло битой птицей (бакалейщики торговали и ею) и сыростью. У каждой подруги в распоряжении имелось по две тесные комнатки, на верхнем этаже распола-

гались кухня и столовая, а в хлипкой пристройке к дому – ужасающе тесная ванная и уборная. В день ее визита от скумбрии, стоящей на столе, исходил явный душок.

– Вы ведь не собираетесь есть ее, правда?

– Господи, нет, конечно! Один наш знакомый пишет натюрморты, вот он и попросил нас поддержать рыбу у себя, пока он не закончит.

– Ну вот, теперь ты увидела всё.

«Так почему же ты все еще здесь?» Этот вопрос остался невысказанным, но она уловила его.

– А как вы платите за жилье?

– Пополам. Довольно дешево, всего сто пятьдесят фунтов в год.

Только тогда до Вилли дошло: она понятия не имеет, чем ее дочь зарабатывает себе на жизнь. Но ей и так было тошно, она считала, что и без того уже проявила излишнюю назойливость. Возвращаясь домой на автобусе, она вновь поразилась тому, как ужасающе она одинока. Вот если бы можно было все обсудить с Эдвардом! Возможно, он и платит за жилье Луизы – по крайней мере, такой жест заслуживал бы уважения. От разговоров на эту тему с мисс Миллимент она воздержалась: все эти любовники, секс, – нет, исключено.

Но правду выяснила именно мисс Миллимент.

– В какой же сфере вы теперь заняты, дорогая Луиза? – спросила она, когда в том же месяце Луиза заглянула к ним на чай.

– В модельной, мисс Миллимент.

– Как интересно! Вы создаете модели из глины? Или предпочитаете камень? Мне всегда казалось, что работа с этим материалом должна быть чрезвычайно тяжела для женщины.

– Нет, мисс Миллимент. Я работаю фотомodelью – для журналов. Ну, знаете, как «Вог».

И мисс Миллимент, которая полагала, что иллюстрированные журналы (за исключением вестника Королевского географического общества) существуют главным образом для людей, находящихся чтение затруднительным, пробормотала только, что это наверняка весьма занимательно.

– Тебе платят? – спросила Вилли в тот раз, и Луиза ответила – почти парировала:

– Само собой. Три гиней в день. Но с внештатной работой никогда не угадаешь, сколько тебе достанется. Увы, мне уже пора. Папа предложил съездить вместе с ними во Францию. На две недели, за все платит он. Он снял виллу недалеко от Вентимильи, там и пляж есть.

Прощальный выстрел получился жестоким. Она даже представить себе не может, каково мне было услышать это, думала Вилли, лежа без сна далеко за полночь и борясь с горечью и бешенством. Свой медовый месяц они с Эдвардом провели в Кассисе – чуть западнее по побережью, это было в давно минувшие дни после одной войны и перед другой.

Если не считать трудностей, связанных с избытком секса, которого она не хотела и не понимала, это было золотое время. Как и каникулы с катаниями на лыжах и прогулками под парусом в компании родных и друзей. Она прекрасно каталась на лыжах, из нее получился неплохой матрос. К тому времени она уже научилась притворяться, когда речь заходила о сексе, неизменно уверяла, что все было чудесно, и он, невнимательный, вроде бы с легкостью верил ей. Беременности принесли желанное избавление, как и унылые, тревожные, нескончаемые годы войны и ее заточения в Суссексе, пока он занимался обороной аэродрома Хэндон – вплоть до момента, когда ввиду острой потребности в древесине был возвращен в компанию. Это он ясно дал понять, что их лондонский дом, который она так любила, придется продать. Это он после войны, когда она считала, что обычная хорошая жизнь вместе с ним наконец вернется, убедил ее подыскать дом поменьше, и она выбрала этот – странный, с одним верхним этажом, с окнами на север и юг, так что лишь в три комнаты из всех заглядывает солнце... а потом бросил ее здесь. И месяцами, годами имел связь с Этой. Последовал развод, который ее мать сочла бы невыносимым. А Луиза все знала и скрывала от нее. Милый Роли, когда она

все ему объяснила, пообещал, заливаясь слезами, что никогда ее не бросит. Тедди и Лидия тоже были ошеломлены: в заговор их не посвятили. Но с Тедди она виделась редко, а с Лидией не виделась вообще, так как она, закончив актерскую школу, получила место в театральной труппе в Мидлендсе. Репертуар был недельный, что означало, как объяснила Лидия в одном из своих редких писем размашистым почерком, что по вечерам играешь в пьесе номер один, по утрам репетируешь пьесу номер два, а свои реплики для пьесы номер три зубришь по ночам в постели. Она писала, что работа изматывающая, но она ее обожает, и нет, ни малейшего понятия не имеет, когда ей дадут отпуск и дадут ли его вообще. Вилли послала Лидии десять фунтов на каждый день рождения и на Рождество и была благодарна за возможность испытывать к ней естественную, ничем не запятнанную любовь.

Поговорив с Зоуи по телефону и узнав о Дюши, она поспешила с известием к мисс Миллимент, которая сидела в солнечной гостиной, на своем обычном месте у открытых застекленных дверей, выходящих в сад. Здесь она каждое утро читала «Таймс» и разгадывала кроссворд, на что у нее уходило меньше получаса. Чаще всего она также портила Вилли удовольствие от чтения газеты, пересказывая материалы, которые особенно поразили ее. Но этим утром она вернулась мыслями к незадачливой Рут Эллис, которую в прошлом году судили за убийство ее любовника.

– Я в самом деле считаю, Виола, что какие бы поступки ни совершил человек, его не следует казнить за них. Это один из наших наименее цивилизованных законов, вам не кажется?

И Вилли, не отвечая на это (людям, которые убивают других людей, ни в коем случае не следует спускать это с рук), рассказала ей про Дюши, закончив горькой тирадой о том, что не сможет присутствовать на похоронах из-за «этой женщины».

– Но вы же не знаете, будет ли она там. Возможно, найдется способ выяснить это, прежде чем так расстраиваться.

– Ну, Эдвард наверняка приедет.

– Да, а она – может, и нет. Вы могли бы спросить Луизу или Тедди.

– Пожалуй, Тедди можно. Руперт уехал в Хоум-Плейс, и, наверное, до выходных никто не узнает, когда похороны.

– Виола! Дорогая моя, боюсь, я вынуждена сделать одно признание. Я опрокинула чашку с чаем, которую вы так любезно принесли мне. Я дремала, неизвестно почему решила, что уже день, стала искать на ощупь выключатель лампы на тумбочке, и конечно, будь это день, чашки с чаем на ней не было бы. Увы, мне не удалось как следует навести порядок, но в любом случае за день всё высохнет, а мне это нисколько не мешает. Но я сочла своим долгом сообщить вам.

Легкий шелест газеты в ее руках дал Вилли понять, как переживает бедная мисс Миллимент. Неподдельное сочувствие к своей компаньонке, которая за столько лет наверняка натерпелась всякого от злющих квартирных хозяек, переполнило сердце Вилли, и она обняла ее за рыхлые плечи.

– Напрасно вы расстраиваетесь. Пролить чай может кто угодно.

Уже в автобусе, по пути в унылую контору на Куин-Энн-стрит, она сообразила, что это уже третий чай, пролитый за месяц.

Диана и Эдвард

– О, милый! Какой ужасный удар для тебя! Бедняжка Дюши!

– Она прожила прекрасную жизнь.

– Разумеется.

– Впрочем, так всегда говорят, как будто от этого легче.

– Но ведь она не страдала, правда?

– Рейчел сказала, что нет, по словам Хью. Давай прикончим и вторую половину, хорошо?

Она прошла через комнату за шейкером для коктейлей, стоящим вместе с целой коллекцией бутылок на столе эбенового дерева. На ней было креповое платье цвета электрик – невнимательные люди сказали бы, что под цвет ее глаз.

– Но это не отменяет того обстоятельства, что ее не стало – она больше не с нами.

– Конечно, не отменяет, бедный ты мой.

Заново наполняя его стакан, она наклонилась так, чтобы продемонстрировать грудь весьма утешительных размеров.

– Завтра мне придется съездить туда.

Она молчала, пока он прикуривал.

– Хочешь со мной?

Диана сделала вид, будто задумалась.

– Нет, – наконец ответила она. – Конечно, я бы с радостью, но думаю, ты должен достаться Рейчел безраздельно.

– Вот за это я тебя и люблю. В тебе совсем нет эгоизма. Ну и... не только за это.

– И потом, мы же обещали сводить Джейми на обед в воскресенье. Не хочу обмануть его ожидания.

Шел последний год учебы Джейми в Итоне, оплатить которую Диана убедил Эдварда – на том основании, что двое других ее сыновей учились там же, а Джейми на самом деле от него. Теперь, в свои восемнадцать, он был внешне очень похож на братьев и не выказывал никакого сходства с Казалетами. Плата за его учебу, за Роли в Рэдли и содержание Вилли (он переписал на нее дом в Сент-Джонс-Вуд и учредил трастовый фонд, чтобы оплачивать ее расходы) лежали на нем нешуточным бременем, на все это уже была истрачена большая часть денег, которые оставил ему Бриг. Диана твердо вознамерилась снимать облюбованную виллу на юге Франции, позвала в поездку своего брата и его жену, и ему опять пришлось раскошелиться, выдвинув единственное условие: чтобы Луиза присоединилась к ним, – «вы же две моих любимицы», заявил он, страшно раздражая этим ее. Зная, что Луиза относится к ней так же неприязненно, как она сама – к Луизе, Диана все же подчинилась.

Замужем за Эдвардом она была уже больше пяти лет, теперь они жили в большом неоготическом доме в Уэст-Хампстеде; их экономка миссис Аткинсон занимала квартиру на верхнем этаже. Была у них и женщина, которая трижды в неделю приходила помогать по хозяйству, так что впервые за всю свою жизнь Диане было незачем беспокоиться о деньгах, и она могла заниматься, чем ей вздумается. Была лишь одна неприятность вскоре после их переезда и перед женитьбой – когда Эдвард тяжело перенес несложную операцию; она испугалась, что он умрет прежде, чем они поженятся, и она снова останется вдовой с тремя детьми и враждебно настроенной родней мужа и будет вынуждена довольствоваться нищенской армейской пенсией Ангуса (его родители так и не простили ей связь с человеком, за которым она не была замужем, да еще с женатым, бросившим ради нее жену и опозорившим себя разводом).

Все эти мысли вызвали ощущение, будто она не любила Эдварда, тогда как она, конечно же, его любила. Поначалу, думая о нем, она то мучалась, то ликовала, но когда их связь вошла в романтическую колею без малейших признаков, что положение когда-либо изменится, она осознала, что ей уже мало одних сильных чувств и неопределенности. Она жаждала уверенности – дома вместо съемных квартир или коттеджей, мужа, зарабатывающего столько, чтобы содержать ее и мальчиков в достатке, с которым, как наставляла ее мать, она должна свыкнуться. Вот и появился Эдвард. Она слышала, что до встречи с ней он имел известную репутацию у женщин, но была уверена, что с тех пор, как начался их роман, он хранил верность ей. «Я попался к тебе на крючок, – говорил он, – заглотив его целиком и весь пропал». И чем меньше чувств она к нему испытывала, тем чаще подбадривала себя мыслью о существующих между ними прочных романтических узах, которые не разрушит ничто.

Многое из того, о чем думала, она тщательно скрывала даже от себя самой – нечестность подобного рода разумеется, начинается с себя, – и как только он предпринял шаги, чтобы уйти от Вилли к ней, сделала все возможное, лишь бы укрепить в нем мысль о том, что она этого достойна. Крепкий martini готовился в тот же момент, как он возвращался домой с работы; она поощряла его рассказы о том, как прошел очередной день; миссис Аткинсон выучилась готовить подстреленную им дичь именно так, как нравилось ему; она дипломатично сочувствовала ему в связи с разногласиями, которые начались у них с Хью из-за управления компанией, и делала все от нее зависящее, чтобы влиться в его семью. Когда он тревожился и сетовал, что Вилли запрещает знакомить Роланда с ней, она объясняла, что прекрасно понимает позицию Вилли: заставлять Роланда разрываться между ними неблагоразумно, и окажись она в такой ситуации, она, вероятно, поступила бы так же. Тяжесть этой конкретной вины она сняла с него так ловко и легко, что его потребность в ней возросла.

– Милая! Ну конечно, незачем обманывать ожидания Джейми.

Неужели толика облегчения в его голосе ей не почудилась? Возможно, но это, в сущности, ничего не значило.

Луиза

– Чего я не выношу, так это когда она уставится мне в глаза и заводит: «Честно говоря...» А никакой честности в ней и в помине нет!

Джозеф Уоринг смотрел на нее с веселым удивлением. Негодование было ей к лицу – так он и сказал. Они ужинали, как часто бывало, в «Летуаль» на Шарлотт-стрит – заведении с неплохой и, по английским меркам, необычной и вкусной едой. Светлые волосы Луизы были зачесаны вверх от лба и перехвачены черной бархатной лентой, круглый вырез на черном платье был глубоким, рукава – короткими и, как и вырез, отделанными фестонами из той же ткани. В этом наряде она казалась очень юным и неземным существом, но ела с аппетитом, которому сам он не уставал изумляться, а хозяин заведения относился к ней настолько одобрительно, что однажды даже предложил ей каждый день приходить сюда на обед – при условии, что съеден он будет за столиком у окна. «Но я бы чувствовала себя при этом как те женщины в Голландии... ну, эти, профурсетки», – сказала она Джозефу и слегка порозовела при одной только мысли об этом.

Они познакомились на вечеринке, куда привела ее подруга. Стелла стала политической журналисткой, горячо поддерживала лейбористов и была безутешна, когда «надутый индюк Иден» выиграл выборы, вытеснив обожаемого ею Эттли. Она регулярно писала для «Обсервера» и «Манчестер Гардиан», иногда публиковала рецензии на книги в «Нью Стейтсмен». Благодаря своей популярности она получала приглашения – или добивалась их – на великое множество вечеринок и порой брала Луизу с собой «ради расширения кругозора». Втайне Луиза считала Стеллу фанатичкой, а Стелла высмеивала преданность Луизы партии тори. «Ничего удивительного, что ты голосуешь за них: у большинства тори нет вообще никаких политических убеждений – они просто голосуют так, как всегда делает их класс». В ответ Луиза промолчала, потому что в ее случае это была правда. Она не интересовалась политикой, а ее родные – кроме дяди Руперта – неизменно голосовали за консерваторов.

Вечеринка оказалась многолюдной и, похоже, собрала разношерстную публику. В комнате было сильно накурено, стоял ровный гул, похожий на океанский: все старались говорить громче, чтобы их слышали. Луиза совершенно растерялась, ее парализовала робость, которая, как ей уже было известно, всегда нападала на нее, стоило войти в комнату, полную незнакомых людей. Стеллу отнесло в сторону потоком, в который всегда попадают те, кто легко ориентируется в обществе, и она приветствовала друзей, махала коллегам, просила огонька,

смеялась каким-то обращенным к ней словам, мимоходом прихватила стакан фруктового сока (спиртного она не пила) и оглянулась на Луизу, только когда та уже почти скрылась из виду...

– У меня складывается впечатление, что все это вам не в радость.

– Нет, мне... вообще-то нет. То есть да. Эта вечеринка меня не радует.

У обратившегося к ней мужчины в смокинге волосы были почти черными.

– Может быть, устроим вечеринку поменьше где-нибудь в другом месте? Дайте мне руку, – и она опомнилась, только когда ее вывели из жаркой шумной комнаты в холл, к вешалкам с одеждой.

– Я без пальто.

– И я тоже.

– Куда мы идем?

– У меня есть дом у Риджентс-парка, а в доме найдутся сэндвичи. И славная холодная бутылочка «Крюга». Как видите, я вас вовсе не похищаю.

Она мялась в нерешительности. Риджентс-парк – это совсем недалеко от ее квартиры. Стелла может, как уже не раз бывало, привести домой с вечеринки толпу друзей. А ей хотелось есть. И вдобавок она была заинтригована. Он смотрел на нее с откровенным восхищением, но ждал, когда она сама сделает выбор. Это обстоятельство стало решающим.

– Только ненадолго.

– Забирайтесь.

К тому моменту они уже стояли на улице возле блестящей темно-серой машины.

* * *

– Вы ведь не замужем, да?

Краткие эпизоды ее супружеской жизни пронесли перед мысленным взглядом, как вереница тусклых, выцветших фотографий.

– Была. Теперь нет. А вы?

Она скорее почувствовала, чем увидела, как закрылись жалюзи.

– О да, – ответил он. – Женат. Жена и трое мальчишек. Держу их за городом. Приезжаю на выходные. А это – моя лондонская берлога.

Они свернули на подъездную дорожку к одному из домов в ряду, он остановил машину. Этот ряд домов после войны перекрасили, теперь они выглядели перламутрово-праздничными в тусклом свете весеннего вечера – как покрытые глазурью, но еще не украшенные толком бока свадебного торта, подумалось ей.

К дому вели ступеньки, за дверью показалась широкая лестница в роскошном убранстве темно-красного ковра. Два лестничных марша вверх – и они очутились в его гостиной. Ее освещала пара ламп на низких столиках, создавая впечатление таинственных сумерек, в которых грозно темнели диваны, пламенели ковры, а зеркала отражали сами себя, создавая неразличимые и повторяющиеся коридоры; лишь беломраморная облицовка камина сияла строгой, изысканной красотой. Он включил еще одну лампу, и она увидела, что стены обтянуты шелком табачного оттенка. А на низком столике перед диваном глубокого темно-коричневого цвета, на который он указал ей жестом, предлагая сесть, стояло серебряное блюдо под салфеткой и ведерко с бутылкой.

– Я держу свои сэндвичи, как сказал бы Питер Селлерс, «под ослепительно-белым полосном».

Он обернул салфеткой горлышко бутылки и мягким движением извлек пробку. Откупоривать шампанское для него – дело привычное, мысленно отметила она, и когда из горлышка выплыл загадочный дымок, он наполнил два бокала так аккуратно, что содержимое ни одного из них не перелилось через край.

– Итак, я Джозеф Уоринг, а вы?

Она ответила, назвавшись девичьей фамилией – Казалет.

– Так. Выпьем за нас. – Он наклонился к ней, поднес к ее бокалу свой, и когда коснулся ее руки, она поняла, что ее неудержимо тянет к нему.

– За Луизу Казалет – и за меня, – он выдержал паузу. – Ваша очередь.

Она почувствовала, что краснеет, и разозлилась.

– Ладно. В таком случае за вас.

– Джозеф, – подсказал он.

– Джозеф Уоринг.

– А теперь мы оба можем отпить глоток. Признаться, ваш тост прозвучал довольно сердито. Неважно. Возьмите сэндвич.

Она взяла один. Копченый лосось, объединение.

Но пока они ели, путаница мыслей не давала ей выговорить ни слова. Он женат. Влюбляться в него бесполезно. Если он поцелует ее, как это будет? Почему здесь было приготовлено шампанское и, хуже того, сэндвичи, – как будто он с самого начала знал, что она примет его приглашение? Но этого он знать не мог, ведь они никогда прежде не встречались. Значит, он намеревался обольстить кого-нибудь, все равно кого, еще только когда уезжал на вечеринку...

– Я не профурсетка, – произнесенные с полным ртом, эти слова прозвучали невнятно.

Он то ли фыркнул, то ли едва не рассмеялся, и она заметила, что он смотрит на нее с чувством, похожим на нежность.

– А я ничего такого о вас и не думал – никогда, ни на минуту. – Его глаза были карими и добродушными.

Ей полегчало, но эту досадную тему она решила довести до конца.

– Тогда как же так получилось, что вы подготовились к приему гостей?

– Да мне, видите ли, нравится рисковать. Я надеялся, что встречу кого-нибудь достойного сэндвичей, и нашел вас. Допивайте шампанское, и я отвезу вас домой.

В машине на нее накатило бесконечное облегчение, на сердце стало легко и беззаботно. До ее квартиры на Бейкер-стрит было недалеко, и после того, как она назвала ему адрес, оба замолчали.

– Стало быть, я заеду за вами в восемь, – сказал он, провожая ее до двери. – И повезу ужинать, – он говорил таким тоном, словно они уже обо всем договорились.

Так все и началось. Пять вечеров почти каждую неделю он водил ее ужинать, оставшиеся два проводил за городом. В первый вечер он спросил, нельзя ли ему зайти к ней, и там сразу поцеловал ее. Потом они легли в постель. Все было так просто, так чудесно – и правильно.

– Тебе никогда за него не выйти, – сказала на следующее утро Стелла.

– Я не хочу за него замуж. Вообще ни за кого не хочу.

Она влюбилась, она стала любовницей. И это Луизу полностью устраивало. Но ее роман требовал соблюдения ряда строгих правил, на которых она решительно настаивала. Однажды вечером, перед самым его летним отпуском, он повез ее смотреть квартиру – по его словам, более подходящую для нее. Квартира была заманчивой: с перепланировкой, на втором этаже, в ряду домов, расположенных полукругом у парка. Когда она спросила, во сколько обойдется эта квартира, он назвал довольно скромную, но намного превышающую ее возможности сумму, о чем она и сказала. Нельзя ли ему помочь ей? Нет, конечно. Становиться содержанкой она не намерена, ни в коем случае. Он пожал плечами и заметил, что попытаться все-таки стоило.

Летом он снял виллу на Кап-Ферра, чтобы провести шесть недель отпуска с родными и друзьями. Вот тогда ей пришлось нелегко. Ей представлялось, как он ведет роскошную жизнь без нее, и это длилось вечно, пока она торчала в жаркой и тесной, как духовка, конуре, откуда не видно ни единого деревца. Нельзя было утешиться даже письмами. Так что когда в этом же году, третьем для нее с Джозефом, отец пригласил ее к ним на юг Франции, она согласилась.

Но зная о неприязни Дианы, во время неловкой встречи Луиза сказала своей мачехе, что, по ее мнению, Диана на самом деле вовсе не желает видеть ее на вилле. Итогом стал один из моментов «честно говоря», которым она возмущалась в разговоре с Джозефом в «Летуаль».

– Ну, твой отец-то явно хочет, чтобы ты приехала. Так что езжай и наслаждайся. Отдыхай в свое удовольствие, дорогая.

Он иногда называет меня «дорогой», но никогда не говорит по-настоящему, что любит меня, размышляла она позднее, лежа одна в постели, еще не остывшей после их любви. Луизе пришлось смириться с тем, что он никогда не остается на ночь. Он всегда выкуривал вместе с ней одну сигарету, моментально одевался и уезжал.

Джемайма, Лора и Хью

– А когда умираешь, можно летать?

Джемайма только что объяснила Лоре про Дюши (Хью звонил сообщить ей и сказал, что хотел бы уехать в Суссекс вместе с ними, втроем, поэтому она сочла необходимым перед отъездом поговорить с дочерью), и Лора внимательно выслушала ее. Джемайма считала ее, шестилетнюю, самым умным и красивым ребенком в мире, ошибочно полагая, что успешно скрывает свое отношение от всех.

– Не знаю, детка, – наверное, да.

– А то я не знаю, как еще она попала наверх, если нельзя.

До сих пор Лора сталкивалась со смертью только однажды, когда им пришлось усыпить старого спаниеля, принадлежавшего Хью. Рай казался самым утешительным объяснением, поэтому о нем и было осторожно рассказано девочке. «Думаю, у него выросли крылья», – сказала Лора и наконец расплакалась. Насчет рая она устроила перекрестный допрос Хью, и он не поспешил на подробности – там полным-полно вкусных косточек, прогулки в любой момент, когда захочется Пайперу, и бесчисленные кролики, за которыми можно гоняться. Все это теперь и аукнулось.

– Вряд ли Дюши понравится, если всюду косточки и кролики – они же испортят ей сад. Бедная Дюши!

Джемайма слабо отбивалась. Рай у каждого свой. Для Дюши в нем будет чудесный сад, полный цветов, и да, конечно, ей нужны крылья, чтобы долететь до него, и у нее они появились.

– А я хотела бы крылья прямо сейчас. Тогда я тоже полетела бы вверх и увидела их обоих.

– Столько сложностей, – сказала Джемайма Хью за ужином. – Когда мы уходим из жизни, разговоры о церемониях прощания и похоронах неизбежны, и малышам немудрено совсем запутаться.

– Ну что ж, значит, будем снова объяснять.

– Не знаю, как это сделать, не наговорив ей вранья.

– Ты не веришь в рай?

Она покачала головой:

– Я верю только в то, что есть сейчас.

– Милая, вам незачем уезжать со мной.

– Я хочу.

– И я хочу с тобой.

Его облегчение омыло ее волной: он нуждался в ней, она его любила.

В постели они утешили друг друга; ему было отрадно знать, что Джемайма тоже любила Дюши, которая так сердечно приняла в семью ее, в то время еще Джемайму Лиф, и была так добра к близнецам – «листочкам», – а они отправляли ей письма с благодарностями и перечислением всего, что им особенно понравилось в гостях: десерты в высоких формочках, строительство запруды на ручье в лесу, настоящий сидр и имбирный эль, возможность обходиться

почти без купаний, вождение старой машины Брига, ныне сосланной на край поля и с достоинством зарастающей крапивой. Все эти списки были еще детскими, а теперь, когда близнецам минуло тринадцать, в их письмах прибавилось натянутости. Дюши давала понять, что одобряет Джемайму, чего нельзя было сказать о новой жене Эдварда, Диане. А Хью, горячо преданный Вилли, не мог заставить себя относиться к Диане не просто вежливо.

– Думаешь, он привезет ее? – спросил он.

– Дорогой, я не знаю, но мне кажется, что нет.

– А почему тебе так кажется? – Он пропустил ее прямые шелковистые волосы между пальцами.

– Потому что она не захочет ехать. А я думаю, она обычно получает то, чего хочет.

– Да? И я хочу, чтобы ты получала что хочешь.

– Я хочу того же, что и ты.

– Но если бы не захотела, сказала бы, правда? Не хочу, чтобы ты говорила что-нибудь только потому, что, по-твоему, мне хотелось бы услышать именно это. Помнишь, мы заключили соглашение в день, когда поженились?

– Ну вот! А я как раз собиралась сказать, что ты чудесный муж, превосходный отец, замечательный отчим и прекрасный любовник. Какая жалость!

Он обнял ее худенькие плечи.

– Меня прямо согревают твои похвалы, ты же знаешь, что так и есть. Без них я бы не справился. Надеюсь, и ты согреваешься.

– С утра до ночи. А сейчас уже ночь.

Когда он вернулся этим вечером, по его лицу она поняла, что у него был очередной приступ мигрени, но уже давно отучилась упоминать о них. Ему требовалось просто как следует отоспаться.

– Мне просто надо как следует отоспаться, – сказала она.

Часть 2

Июнь-июль 1956 года

Семья

– Я и не говорю, что мы не должны рассмотреть все возможности. Просто думаю, что нам не следует делать это за спиной у Рейчел.

– Арчи, послушать тебя, так ты как будто считаешь, что я за нее не беспокоюсь.

Они сидели на скамье у теннисного корта, где им было обеспечено хоть какое-то уединение – труднодоступное в переполненном доме.

– Само собой, я так не считаю. Ты же любишь ее. Как и все мы. Я о том, что хорошо было бы уладить все разногласия, прежде чем мы поговорим с ней. Она измотана, ей не захочется иметь дело с толпой препирающейся родни.

– Какого черта ты хочешь этим сказать?

– Да ладно тебе, Руп. Сам знаешь: Хью считает, что нам надо сохранить дом любой ценой, а Эдвард – что мы должны избавиться от него. И, кстати, насчет твоего мнения я не уверен.

– Это потому, что я еще не определился, – он вытащил помятую пачку «Голуаз», протянул Арчи и достал сигарету сам. – То есть, – продолжал он после краткой паузы, за время которой пытался понять, чего на самом деле ему хочется, – все зависит от желания Рейчел. В дом в Риджентс-парке она не поедет, это ясно. Дюши терпеть его не могла, говорила, что для нее он слишком велик. Ее дом был здесь, и Рейчел, возможно, относится к нему так же. Я действительно считаю, что решать ей. Да и дети все до единого обожают здесь бывать.

– Знаю, что обожают. Мои рвутся сюда каждые каникулы. Но кто будет за все платить?

– Полагаю, мы могли бы поделить между собой расходы на содержание дома.

Этого он и боялся.

– Руп, я вынужден сказать тебе прямо сейчас: к сожалению, в этом на меня нельзя рассчитывать. У меня просто нет таких средств, чтобы обещать что-нибудь на регулярной основе. С деньгами в последнее время довольно туго. – Его голос угас, улыбка стала виноватой. Он женился на любимой дочери Руперта, но едва ли обеспечивал ей жизнь, к которой она привыкла.

– Дружище, дорогой, я и не рассчитывал, что ты станешь вносить свою лепту. Скинуться должны Хью, Эдвард, я и Рейчел, если она хочет жить здесь. – Даже в этом проявлении доброты была унижительность. – И мы всегда будем рады тебе, Клэри и детям – приезжайте, как всегда. Дюши этого желала бы. – При упоминании о матери глаза Руперта наполнились слезами. – Ты всегда был для нее как родной, – добавил он, яростно вытирая лицо.

– Как думаешь, почему Эдварду приспичило избавиться от Хоум-Плейс? – спросил Арчи, чтобы отвлечь его.

– Потому что Диане он не по душе?

– Ну, вряд ли ее так уж заботит семья в целом.

– М-м... у нее безобразные руки, – рассеянно произнес Руперт. – Из тех, которые кольца только портят. Не смейся, Арчи, ты же наверняка заметил это. Нам пора снова в схватку, – сказал он, пока они докуривали.

– А схватка будет? – спросил Арчи, пока они шагали через теннисный корт к дому.

– Если мнения заметно разойдутся – думаю, она вполне вероятна.

* * *

Мнения заметно разошлись в кругу детей: Лора хотела спать с кузенами Гарриет и Берти, а те уже решили, что возьмут к себе в спальню Джорджи: «Ей же всего шесть, мама, ей с нами никак нельзя. Она еще слишком маленькая и все только испортит».

– Мне больше шести лет. Так нечестно!

– Ну вот, видишь, какая ты. Льешь слезы по пустякам. И вообще, четвертой кровати там нет.

Джемайма и Клэри, выдохшиеся после купания детей, в отчаянии переглянулись.

– Да еще Риверс, – вмешался Джорджи. – Он и есть четвертый. И девчонок он не любит, – торжествующе заявил он Лоре. – И наверняка укусит тебя ночью.

– А ты не можешь ему запретить?

– Не могу, если буду спать. Он любит только тех, кому не меньше... – Он помедлил: самому ему было семь, – ...не меньше семи лет.

– Если ты будешь спать со мной и с папой, можешь надеть свою пиратскую шляпу. Ну, годится? – Джемайма вытерла слезы с лица дочери и поняла, что уловка сработала: свою шляпу Лора обожала.

Тем временем Клэри вполголоса уговаривала своих двоих детей быть добрее к младшей кузине.

– Вам в шесть лет тоже не понравилось бы, если бы вас куда-то с собой не брали.

– Так это когда было, – смущенно отозвался Берти, и Гарриет подхватила:

– Давным-давно!

– Вообще-то, – заявила Клэри погромче, чтобы слышали все, – я хорошо помню, как меня не приняли к себе кузины и как это было обидно. Они не захотели, чтобы я спала с ними в одной комнате.

– И что ты сделала? – Джорджи, добрая душа, уже начинал раскаиваться.

– Я ушла и легла в комнате тети Рейчел.

Это впечатлило всех.

– Конечно, я была старше, чем Лора сейчас, но чувствовала себя так же, как она. Берти, не полоскай горло молоком, а пей его.

Берти попытался проглотить молоко и одновременно крутануться на стуле, чтобы обнять мать. И прыснул молоком во все стороны.

– Ты же не виновата, что тебе столько лет, – сказал Джорджи Лоре после того, как порядок был восстановлен. – Если хочешь, можешь погладить Риверса. Он не против.

Но Риверс был иного мнения. Боязливые поглаживания Лоры он кое-как вытерпел, но когда ее примеру последовали Гарриет и Берти, удрал в надежное убежище – карман в халате Джорджи.

* * *

Арчи, убедив Клэри принять ванну обещанием «угомонить чудищ», застал их всех в одной постели в разгар спора о том, какую книжку попросить почитать. Но едва он появился в дверях, Гарриет кинулась к нему:

– Покажи динозавра, папа! Ну самую чуточку, пожалуйста, покажи!

– Тогда не будет никакого чтения. И вообще, вы же все умеете читать.

– Умеем, когда хотим. Но нам больше нравится, когда нам читаешь ты.

– Помолчи, Берти. Пусть лучше побудет динозавром, у него это здорово выходит.

– А мой папа часто показывает мартышку или морского льва, – высказался Джорджи. Арчи восхитился его преданностью.

– Ну покажи, папа!

Арчи выпрямился во весь рост, затем вытянул руки, выгнул спину и гигантскими шагами направился к дочери, издавая истошные вопли, которые начинались жуткими хрипами и заканчивались трубным воем. Он подхватил Гарриет когтями и уронил ее, визжащую от удовольствия и страха, на постель. Затем обратил взгляд наверняка уже налитых кровью глаз на Берти и повторил маневр. Сброшенный на кровать Берти с облегчением захихикал.

Оставался еще Джорджи, который, как видел Арчи, не на шутку испугался. И Арчи снова стал самим собой и присел к нему на постель.

– Не будем пугать Риверса, – сказал он.

Джорджи перестал дрожать и благодарно взглянул на Арчи: его репутация была спасена.

Арчи поцеловал всех троих, пропуская мимо ушей привычные протесты: «На улице еще светло как днем, так почему нам туда нельзя? С какой стати я должен укладываться в такую рань, будто шестилетка какой-нибудь?» В спальню прокрался дух несправедливости, и Арчи сбежал, оставив детей на попечение Зоуи, которая пришла убедиться, что Риверс надежно заперт в клетке.

В своей спальне Арчи застал спящую Клэри, закутанную в банное полотенце. Она лежала на боку, подтянув к груди согнутые колени и подложив ладонь под щеку; у него мелькнула мысль, что с виду она совсем как тринадцатилетняя девчонка, выбившаяся из сил. Он присел рядом и тихонько гладил ее по голове до тех пор, пока она не пошевелилась, не открыла глаза и не улыбнулась ему.

– Такая роскошная была горячая ванна! Я просто отключилась.

– Надо просушить тебе волосы, дорогая.

– Дети в порядке?

– В полном. Я оставил их с Зоуи. Показал им динозавра – они аж перетрусили.

– Слышала я твоего динозавра. А мне никогда не показываешь. – Ее голос звучал невнятно из-под полотенца, которым он вытирал ей голову.

– Ты из него уже выросла. Я никогда не показываю динозавра тем, кому за тридцать. А платье ты взяла?

– Конечно, взяла. Дюши не любила, когда мы выходили в брюках по вечерам. Синее, льняное. Наверное, помялось немножко в чемодане, и... ой, черт, совсем забыла зашить, подол чуть-чуть отпоролся. Ну и ладно. У меня полно булавок, и незаметно будет. Кажется, бюстгальтер и трусики я оставила где-то на полу.

– Вот они. Ты такая милая и прелестная без одежды.

Ее перламутровую, просвечивающую, почти белую кожу было удивительно трудно писать, в чем он убедился за годы, но во всех прочих отношениях она и вправду прелестна, как он ей только что сказал. Принимать комплименты она по-прежнему стеснялась, если он не обращал их в шутку.

– Моя пошлость и порочность настолько велики, что я предпочитаю, когда кожа у людей бледная, словно их всю жизнь продержали под булыжником на мостовой.

Клэри схватилась за расческу, продрала ею волосы и принялась стягивать их резинкой, которая в самый последний момент лопнула.

– Ну вот! Ох, черт, а я запасную не взяла.

– Придется тебе довольствоваться девчоночьей ленточкой. Собери волосы, я их перевяжу.

– Ты говорил с Рейчел?

– Случая не представилось. Ее стережет Сид. По-моему, она считает, что теперь о Рейчел больше никому позаботиться, кроме нее.

- Хоть не придется им больше предпринимать усилия, скрываясь от Дюши.
- Хоть что-то.

* * *

Но в течение этого вечера Арчи несколько раз задавался мыслью, не понадобятся ли другие, менее определенные усилия.

После особенно крепких напитков, приготовленных Эдвардом, они собрались в столовой за ужином – тушеной курятиной с овощами и песочным пирогом с клубникой и сливками.

Ни Рейчел, ни Сид почти ничего не ели, несмотря на обращенные друг к другу призывы есть больше.

После нескольких неудачных попыток выяснилось, что наиболее безопасные темы для разговоров – политика (у мужчин) и дети (у их матерей). Волнения в местных доках продолжались уже шестую неделю, что начинало сказываться на делах семейной компании, в значительной мере зависящей от ввоза древесины твердых пород. Хью, как глава компании, был чрезвычайно встревожен этим и разгорячился, услышав от Руперта, что действия этих людей лишены смысла. Эдвард заявил о своих сомнениях в том, что кабинет Идена способен успешно справиться с общенациональной забастовкой любого рода. В итоге всем пришлось с чувством неловкости признать, что Иден пробыл в должности еще совсем недолго, но неплохо проявил себя в Министерстве иностранных дел. Рейчел высидела ужин до конца, осунувшись от горя, но улыбалась, стоило кому-нибудь встретиться с ней взглядом. Разговоры о детях стали утешением. Джорджи, Риверс и остальной зверинец, Лора, спящая в пиратской шляпе, Гарриет и Берти с их попытками разделить единственный банан при помощи линейки...

Арчи заметил, что с Сид, сидящей рядом, что-то неладное. Ему показалось, что выглядит она нездоровой – она подхватила вирус, объяснила она ему перед началом ужина, но теперь уже все прошло. Однако ее вид говорил об обратном, обычно загорелое лицо стало желтоватым, под глазами залегли лиловые тени. Она вяло ковыряла свою курятину и, если не считать обращенных к Рейчел увещаний поесть еще, не проронила ни слова. А когда Айлин поставила перед ней тарелку с клубничным пирогом, Арчи услышал, как Сид внезапно и бурно стошнило в салфетку. Она нетвердо поднялась, и, пока он вставал, чтобы помочь, Джемайма подоспела моментально, обняла Сид, подхватила ее испачканную салфетку еще одной и с негромкими утешительными возгласами повела из комнаты. Рейчел последовала было за ними, но Сид бросила через плечо – точнее, почти крикнула: «Нет! Прошу, не ходи за мной».

И Рейчел осталась.

– До выздоровления ей еще далеко. Не следовало ей приезжать. – И она прижала костяшки пальцев к глазам, чтобы остановить слезы.

Хью, сидящий рядом с ней, придвинулся ближе и накрыл ее руку своей единственной рукой.

– Рейч, дорогая, она приехала потому, что любит тебя – так же сильно, как и все мы.

А Зоуи, которая судорожно сглатывала – тошнота у нее возникала в единственном случае, когда тошнило кого-то другого в ее присутствии, – сказала:

– Чем сильнее я люблю кого-то, тем меньше у меня желания, чтобы этот человек был рядом, когда меня тошнит. Хочется только остаться одной.

– Джемайма позаботится о ней, – заверил Хью.

Эдвард взглянул на брата, невольно вспомнив, что это Вилли всегда ухаживала за теми, кто заболел, свалился с пони или прищемил пальцы дверцей автомобиля. Разумеется, она умела оказывать первую помощь, потому что занималась этим еще до войны, но вдобавок умела находить самые действенные слова утешения для всех попавших в беду. У него мельк-

нула мысль, что Диана совсем не такая: она явно с трудом терпела его во время болезней, но с другой стороны, она же заботилась о своих сыновьях. Их-то она выхаживала.

В последнее время Диана предлагала продать дом в Уэст-Хампстеде и купить другой, загородный. Живописный, в георгианском стиле, недалеко от Лондона, чтобы можно было совершать такие поездки ежедневно. У него создалось ощущение, что насчет дома она уже решила твердо, а значит, абсолютно не имеет смысла платить свою долю за Хоум-Плейс, где Диана, несмотря на все заверения в обратном, всегда чувствовала себя не в своей тарелке. Надо бы потолковать об этом с Хью. Беда семьи – не недвижимость, а нехватка средств. В недвижимости вложена слишком большая часть капитала компании. Им принадлежали не только Хоум-Плейс и дом его родителей в Риджентс-парке, последний на условиях длительной и дорогостоящей аренды, но и две ценные пристани в Лондоне, одна в Саутгемптоне и баснословно дорогое конторское помещение в Вестминстере. Доходы от недостаточно высоких продаж древесины не покрывали расходов на содержание всего перечисленного. Несколько раз он заводил разговоры об этом с Хью, но тот отказывался даже думать о продаже чего-либо, и, поскольку он был главой компании, решающее слово оставалось за ним. А Руп, добрая душа, всегда соглашался с тем, с кем только что говорил.

От этих мыслей Эдварда замутило. Он стал чаще страдать несварением, и теперь слабая, но узнаваемая вонь рвоты, расплывшаяся по комнате, предвещала для него очередной приступ. Вспомнив хитрость, которой он научился в окопах во время Первой мировой, он взял коробку спичек, приготовленную на столе для свечей, чиркнул одной и дал догореть. Хью сразу заметил это, и они обменялись краткими, но бесконечно утешительными взглядами. Эдвард передал спички брату, тот повторил маневр. Воздух стал чище, кое-кто из присутствующих занялся пирогом с клубникой, и вскоре Зоуи уже объясняла отсутствие Джульет, которая осталась у лучшей подружки, чтобы вместе с ней сходить за джинсами.

Клэри заметила:

– Забавно, да? Мне в возрасте Джульет было все равно, как я одета.

– Вот и хорошо. Одежда все равно продавалась только по талонам.

– Я помню, как ты сшила мне два платья. Уже после того, как я изводила тебя. Наверное, быть мачехой – это кошмар.

Этим воспоминаниям умилились все – и Руперт, и Зоуи, и Арчи, который сообщил:

– Ей и теперь почти все равно. Так что одежду ей выбираю я.

Рейчел героическим усилием поддержала разговор:

– Когда я была маленькая, Дюши заставляла меня постоянно носить передники. А если мы шли в гости, надевала на меня целую кучу белых нижних юбочек под нарядное платьице и велела сидеть на столе, пока не придет время выхода.

– Помню-помню, – подхватил Хью. – Но тебя, по крайней мере, не одевали в матроски, как нас с Эдвардом. Руперт этой участи избежал.

Руперт, сразу вспомнивший о том, чего еще он избежал – ужасов окопной войны, постигших его старших братьев, – спокойно высказался:

– В сущности, жаль, потому что я просто обожал наряжаться. Помните, у нас был старый черный жестяной сундук, полный всякой одежды для маскарадов? Так вот, однажды, когда наши родители давали прием в саду, я вырядился девушкой – в сплошь расшитое бисером розовое платье, знаете, этакое цилиндрическое, какие носили флэпперы, с тюрбаном из серебряного лама и страусовым веером. В таком виде я и вышел на газон, и Бриг рассвирепел, но Дюши только рассмеялась и велела мне идти в дом, переодеться, а потом вернуться и помочь разносить сэндвичи с огурцом.

В последовавшей короткой паузе Рейчел попросила извинить ее: она сходит проведать Сид, а потом сразу спать. Мужчины встали, и Арчи, который сидел ближе всех, открыл для Рейчел дверь и снова закрыл за ней.

– Позвони Айлин, Руп, пусть соберет тарелки.

– Хью, тебе там ближе.

В поисках звонка Хью пошарил под столом там, где сидела Рейчел. Эдвард отошел к серванту за портвейном. Клэри сказала:

– Если это значит, что дамам пора удалиться, я, пожалуй, удалюсь спать. Всем спокойной ночи.

Зоуи решила:

– А я подожду Джемайму в гостиной, а потом тоже спать.

Айлин, собирая посуду после десерта, спросила, не подать ли джентльменам кофе в столовую.

– Кто-нибудь хочет кофе? – спросил Хью, но никто, похоже, не соблазнился. Айлин было отдано распоряжение принести поднос в гостиную, и да, на этом всё. В комнате возникла легкая, но несомненная натянутость.

Бутылка портвейна пошла по рукам, все четверо мужчин наполнили бокалы.

Хью сказал:

– Прежде чем мы поговорим о предстоящих делах, предлагаю всем вместе выпить за нашу дорогую матушку и... – он взглянул на Арчи, – ...и за друга.

Все встали и последовали предложению.

От этого обстановка как будто бы слегка разрядилась. Снова усевшись, присутствующие закурили сигареты, а Эдвард – сигару.

– С согласия Рейчел, – начал Хью, – я побывал у викария, чтобы назначить дату похорон, и мы договорились на следующий понедельник. Я просил о следующей субботе, но оказалось, что это неудобно, так что они состоятся двадцать пятого в половине двенадцатого. Еще я подготовил черновик объявлений для «Таймс» и «Телеграф» – они будут опубликованы в этот понедельник. В них я указал время и место похорон для тех, кто пожелает присутствовать. Вот и все, что я пока успел.

Руперт сказал:

– Рейчел ничего не говорила о том, где хочет жить?

– Ничего. Только сказала, что не желает оставлять за собой лондонский дом.

– Он все равно принадлежит компании, – сказал Эдвард. – Хоть что-то можно продать.

– Не понимаю, почему ты так горишь желанием продавать. Бриг всегда говорил, что недвижимостью – лучшее вложение капитала, и я, как глава компании, твердо намерен следовать его заветам.

– Что ж, ты, вероятно, забыл, что и Хоум-Плейс принадлежит компании. Рейчел, разумеется, не захочет жить здесь одна, а стоимость поместья чертовски возросла с тех пор, как Бриг приобрел его. Если мы его продадим, то сможем купить Рейчел симпатичный домик или квартиру в Лондоне.

– Неужели ты и вправду хочешь избавиться от дома, где все мы провели такую значительную часть нашей жизни, где выросли наши дети, где все мы нашли приют в прошлую войну? Не может быть, чтобы тебе этого хотелось!

Господи, думал Арчи, беспомощно глядя на Руперта, вот и у меня такие же чувства, как у Хью, только я ничего не могу поделать.

Но на выручку пришел Руперт.

– Я согласен с Хью, – сказал он. – И считаю, что даже если Рейчел не захочет жить здесь, мы могли бы разрешить расходы и сохранить дом для нее, для детей и, если уж на то пошло, для меня.

И все посмотрели на Эдварда.

Он неловко поерзал в своем кресле.

– Ради всего святого, незачем считать, что мне нет дела до дома. Просто Диана хочет жить за городом, значит, придется продать аренду дома на Ранулф-роуд, а за нее много не выручишь, ведь осталось всего десять лет, и купить другой. А я и без того стеснен в средствах и явно не в состоянии платить за вторую недвижимость.

Хью заговорил было о том, что остаются они вдвоем, и почти одновременно Арчи очень нерешительно намекнул, что следовало бы дождаться Рейчел и посоветоваться с ней. И потом, может, Дюши оставила в своем завещании какие-нибудь распоряжения на этот счет?

Кажется, это слегка снизило накал. Руперт согласился, что развивать эту тему пока не имеет смысла, и они предались воспоминаниям о прежних временах в Хоум-Плейс, когда Бриг приводил к Дюши залетных и никому не известных гостей, а Дюши утешала молоденьких нянь-евреек из «Приюта малышей», эвакуированного в Хоум-Плейс на время войны, приглашая их на чай с печеньем и Бетховеном из граммофона. Умиление понемногу вытеснило разногласия между братьями.

А потом вниз сошла Джемайма с сообщением, что Сид уже легла и спала, когда Рейчел зашла проведать ее, и все дружно решили, что пора закругляться.

* * *

Зоуи разделась в знакомой комнате с обоями в павлинах и хризантемах, присела перед зеркалом на туалетном столике и, снимая макияж, вспоминала, как нервничала при первом приезде сюда. Все ее наряды казались неуместными, и хотя ее встретили радушно как жену Руперта, ей казалось, что она никогда не станет здесь своей, не выдержит враждебности Клэри, никогда не будет ей мачехой. Ну, если уж начистоту, ей и матерью становиться не хотелось, и эта перспектива казалась особенно нудной и безнадежной под придирчивыми и осуждающими взглядами Клэри и Невилла. А потом случилась та злополучная история в Лондоне, когда она играла во флирт и заигралась и поплатилась за это несчастным малышом, смерть которого, с ее точки зрения, стала милосердным избавлением. Какой же бессердечной дрянью я была, думала она, ничто меня не заботило, кроме собственной внешности и желания, чтобы Руперт восхищался мною с утра до ночи. Но его-то я любила.

Ей вспомнилось, какую немислимую деликатность и доброту проявила Дюши, когда она влюбилась в Джека Гринфельдта, как Дюши оставила их вдвоем во время встречи, которая для них стала последней. Страдания по нему до неузнаваемости изменили всю ее жизнь. Тогда она была уверена, что у нее нет других причин жить, кроме Джульет, поскольку Руперта считали погибшим, а Джек, для которого память об увиденном в германских концлагерях стала невыносимой, застрелился. Она бывала в маленьком временном госпитале для тяжелораненых, которых выхаживали между операциями, чтобы спасти то, что осталось от их израненных тел. Большинству этих людей предстояло жить в полной зависимости от чужой помощи, почти всем им еще не исполнилось и двадцати пяти лет, но лишь после смерти Джека она начала понимать, каково это – быть другим человеком, бесконечно менее везучим, чем она сама, и перестала принимать как должное все дары судьбы.

Таким было нерешительное, как и большинство других, начало, и вот к чему она теперь пришла – у нее были Руперт, свою любовь к которому она осознала, Джульет, такая же свое нравная, миловидная и эгоцентричная, как сама она в ее годы, и новейшее из ее сокровищ – сынок, друг всяческой живности, который расплакался, получив в подарок на четвертый день рождения хорошенькую плюшевую мартишку: «Она не настоящая! А я хотел живую обезьянку!», и был вынужден удовлетвориться морской свинкой.

Руперт застал ее в слезах.

– Милая, что случилось?

– Ничего, правда... то есть все сразу. Мне так повезло – быть здесь, с тобой. Я так тебя люблю, – она села на постели и протянула к нему голые руки.

– Какая удача, что и я тебя тоже. Какая у тебя чудесная сливочная кожа. – Он вытер ей глаза уголком простыни. Много лет назад от подобного замечания она бы надулась (эта ее ужасная надутость, как он ее только терпел?). Но теперь на всю эту чушь наслоились годы и чувство близости. Они проросли друг в друга.

* * *

– Понимаешь, ей в самом деле не следовало приезжать. Ей был предписан постельный режим и пенициллин, и я почти уверена, что у нее температура. Бедная Сид!

– И бедная Рейчел. Для нее это последняя капля. Неделями выхаживала Дюши, и вот теперь опять.

– Не уверена – может, это ей только на пользу. Твоя сестра всегда стремится быть полезной. Она хотела проведать Сид, но та уснула, и мы обе решили, что лучше будет не тревожить ее.

Они говорили приглушенными голосами, так как Лора в ее пиратской треуголке разматалась поперек их кровати. Хью с величайшей осторожностью поднял ее на руки, чтобы отнести в кроватку, но шляпа все равно свалилась. Джемайма подняла ее и ухитрилась тихонько надеть снова. Лора только глубоко и чуть досадливо вздохнула, будто ее оторвали от чрезвычайно важного дела, и повернулась на бок, так и не проснувшись.

– Молодец, – Хью взглянул на жену, которая стояла на полу босиком, в белой ситцевой ночной рубашке и с блестящей короткой стрижкой, и влечение к ней заставило его испытать ничем не омраченную радость. – Помоги мне выбраться из рубашки, дорогая.

Она стащила второй рукав с его культи в черном шелковом чехле, и он обнял ее.

– Не могу, – сказал он, поцеловав ее, – не могу даже вообразить себе жизнь без тебя.

Не говоря больше ни слова, они легли в постель.

* * *

Ну и денек, думал Эдвард, выпутываясь из одежды. Он чувствовал себя неважно – к привычному несварению, которым он страдал уже некоторое время, прибавилось общее ощущение недомогания. Он привык быть популярным, обаятельным, всеми любимым; оставаться в меньшинстве его совсем не устраивало, о чем бы ни шла речь. Если бы только Диане полюбился Хоум-Плейс, они могли бы заполнить его, и, конечно, все родные стали бы приезжать сюда, когда захотят.

Но она твердо решила обзавестись своим домом, и он не видел никаких признаков, что она захочет принимать в нем его родню. Тем не менее у Луизы, Тедди и Лидии, если она когда-нибудь получит отпуск, должна быть возможность приезжать туда. Он намеревался на этом настаивать, но в глубине смутно брезжила мысль, что ни в коем случае не следовало ставить в положение просящего. Как-никак, он многое сделал для сыновей Дианы, особенно для младшего, насчет которого теперь уже было твердо уверен, что тот не от него.

Он встряхнул пару таблеток алка-зельцера в своем стакане для зубов, налил в него воды и выпил. Обычно это помогало, хотя бы отчасти. Эта треклятая напасть в доках. Было время, когда, видя, что у работников компании назревает забастовка, он спускался на пристань, потолковать с ними, и все улаживал. Теперь это исключено. С тех времен компания разрослась. Если до войны ему хотелось отдохнуть денек – пострелять, поиграть в гольф или побыть с Дианой, – он просто так и делал. Всегда можно было положиться на то, что Хью останется держать оборону или, еще при старике, прикроет брата. А как близки были они с Хью: регулярные партии

в сквош, зимними вечерами – в шахматы, распределение обязанностей по работе. Продажи удавались ему, Эдварду, лучше, чем кому бы то ни было, Бриг научил его выгодно покупать древесину как на родине, так и на Дальнем Востоке. Хью педантично руководил доставкой и командовал их флотилией синих грузовиков (цвет непрacticalный, стремительно выцветающий, однако он отличал их машины от другого грузового транспорта на дорогах). Просто Эдвард ясно понимал, что у них образовался избыток недвижимости и что в конце концов банк перестанет мириться с их неуклонно растущей задолженностью, а Хью, по-видимому, совершенно не замечал финансового кризиса, и с тех пор как его избрали главой правления, его упрямство, этот извечный ключевой фактор, только усугубилось.

Он подошел к окну, выходящему в сад перед домом, и открыл его; ночной воздух сразу же окатил его теплой и ласковой волной. Она была напоена благоуханием всех цветов, которые для этого и сажала Дюши. Беспорядочно порхая, мотыльки устремлялись из темноты на свет в комнате. Эдвард лег в постель, погасил лампу на тумбочке, и все его помыслы заполнила Дюши. Они с Хью ходили к ней в комнату проститься. Она лежала с белыми розами в руках, с лицом гладким и бледным, как алебастр. И выглядела так же юно, как в его детстве. «Ты всегда был самым большим негодником из моих сыновей», – он вспомнил, как она сказала это, когда он после помолвки с Вилли привез ее знакомиться к своим родителям. Вилли допытывалась, что значат эти слова, и Дюши объяснила, глядя ему в глаза: «Однажды ты пытался укунить свою сестру. И всякий раз, когда вел себя скверно и бывал наказан, ты просто вновь совершал те же поступки. И постоянно плевался», – закончила она и улыбнулась ему искренне и спокойно. Этот безмятежный, прямой взгляд! Он не знал больше никого, кто был бы наделен ее простой прямоотой. Даже Рейчел, безусловно, натуре искренней, душевного спокойствия недоставало. «И я больше никогда ее не увижу». Его глаза налились нестерпимо жгучими слезами. Теперь, когда рядом не было никого – не было Дианы, – он мог оплакать ее.

* * *

Арчи ушел наверх последним – потому, что после странного и трудного вечера ощущал настоящую потребность побыть одному. Он выскользнул за входную дверь и спустился в сад. Воздух казался теплым бархатом, небо трепетало от множества звезд. Клумбы с этой стороны дома были засажены душистым табаком и ночной маттиолой; жасмин, изящество цветов-звездочек которого не сочеталось с удивительно бурным ростом, цеплялся за плетистую розу.

Слева на газоне, ближе к углу, на фоне мягко освещенного неба строго темнела араукария. Она выглядела своего рода остротой Викторианской эпохи, но Дюши не трогали попытки родных подшучивать на этот счет. «Она уже была здесь, когда приехали мы» – вот и все, что говорила она в защиту этого дерева, но однажды призналась Арчи, что любит араукарию. «Она напоминает мне о доме в Стэнморе, – сказала она. – Мой отец обожал экзотические деревья. У нас было еще и гинкго».

Он повернул направо и медленно двинулся в обход дома, мимо осевшего в низине теннисного корта. Летучие мыши суматошно, но бесшумно сновали вокруг. Ближе к теплицам дорожка стала гаревой, Арчи уловил запах созревающих помидоров. Впереди виднелись внутренний двор, старые конюшни и гараж. Над конюшнями жили Тонбриджи, но свет у них уже был потушен. Арчи еще раз свернул направо, к подъездной дорожке и крутому склону, ведущему к лесу.

Послышался отрывистый и раздраженный вскрик совы, и Арчи вспомнил, как встревожился Берти, услышав этот звук впервые. «Папа, это она от боли. Как будто мучается. Мы должны ее спасти». Арчи пришлось перевоплотиться в осла, в корову и в слона, чтобы показать, какими разными бывают голоса животных. Под конец Берти спросил: «А как же тогда

узнать, когда кому-нибудь из них больно?» Ответить на этот вопрос он не смог и обнаружил, что детей ничто не тревожит так сильно, как невежество. «На самом деле ты знаешь – он ведь знает, правда, мама? Он все знает». А когда Клэри спросила, кто ему сказал, он ответил: «Конечно, королева – в телеграммах».

Еще раз направо, в белую крашеную калитку, и снова к табаку и маттиоле.

Он расстроился бы, узнав, что Хоум-Плейс пришел конец. Может, задумался он, и мне следовало поступить так, как сделал Руперт, бросить живопись и найти какую-нибудь постоянную работу. Но только ему одному было известно, чего стоило Руперту превращение в художника-любителя. «Мы же оба понимаем, Арчи: это все равно что поставить крест». А когда он попытался найти слова утешения – главное, продолжать хоть как-нибудь, – Руперт возразил:

– Бессмысленно. Если хочешь быть художником, все равно каким, черта с два обойдешься без постоянной практики.

Если семья решит расстаться с домом, конец чудесным каникулам, которые Дюши устраивала Клэри и детям. Мысль, пожалуй, постыдная, но неизбежная.

Он вошел в дом, тихонько пересек холл и поднялся по лестнице. Наверху постоял минутку, потому что из дальнего конца коридора, справа, еле слышались всхлипы, и он понял, что это плачет Рейчел. В голове мелькнуло сходить к ней, но он отверг эту мысль. Иногда, а может, и всегда горе должно иметь возможность выплеснуться в уединении.

А ему пора на выручку к Клэри: он был готов поклясться, что иначе она уснет на промокшей насквозь подушке.

* * *

– Не бывать этому никогда!

Она вся накрутилась на папильотки, то есть намекала ему, что не хочет сами знаете чего.

Они пили по последней за день чашке чаю, он – с клубничным пирогом, устроившись в нижней комнате их коттеджа. Она все сокрушалась, что десерт так и не доели, но они же в трауре, и как подумаешь, что хозяйка лежит в доме наверху, сердце кровью обливается.

– Сегодня днем ее увезли. Айлин видела.

– Что же ты меня не позвал?

– На станцию как раз ездил за мисс Сидней.

– Так я же рядом была, в кухне. Она могла бы и кликнуть меня.

– Это она не подумавши, – он обрадовался, скинув с себя вину. – Но помяни мое слово, – продолжал он, – раз хозяйка преставилась, это уже совсем другое дело. Для одной мисс Рейчел дом слишком велик. Вот я и говорю, что от него могут отказаться, – он сидел напротив нее в рубашке и подтяжках; галстук он снял, едва вернувшись в коттедж.

Мысль о последствиях, которые все это будет иметь с точки зрения прагматизма, поразила обоих одновременно, но они промолчали. Он – потому что у него просто не было сил искать выход (коттедж, конечно, уйдет вместе с домом), она – потому что ей казалось, что это было бы непочтительно.

– Долгий у тебя выдался день, – наконец сказал он. – Пойдем-ка наверх.

Она грузно поднялась со своего стула. Туфли она сняла перед тем, как сесть, и теперь была обута в шлепанцы в форме чудовищно широких бобовых стручков. К концу дня ее страшенные натопыши и шишки так раздулись, что боязно было шаг ступить даже по ровному полу, не то что по узкой и крутой лестнице, ведущей в их спальню.

Но он пошел впереди и протянул ей руку, чтобы помочь.

– Как бы там ни было, у тебя всегда есть я, – сказал он, глядя на нее сверху вниз скорбным собачьим взглядом.

Угроза? Обещание? Как всегда, когда он так выставлялся, ее охватила сначала досада, а потом чувство снисходительности. Это за ним нужен пригляд, и она это понимала, но он ведь хотел как лучше.

– Знаю, – ответила она. – Знаю, что есть.

Молодежь

– Понимаю, это расхожее оправдание, но моя бабушка действительно умерла, и я в самом деле хочу поехать к ней на похороны.

Редактор окинула его недоверчивым взглядом.

– Невилл, насколько я помню, за последний год у тебя уже несколько раз умирали бабушки.

– Да, но это по-настоящему. – Он обворожительно улыбнулся. На нем был черный бархатный, изрядно заношенный пиджак, белая рубашка с расстегнутым воротом, вельветовые, некогда черные брюки и теннисные туфли. – Время от времени каждого из нас настигает реальная жизнь. Или, полагаю, смерть, – добавил он. При этом он смотрел в пол, а договорив, поднял глаза на нее. Выглядит он, думала она, точь-в-точь каким воображаешь себе какого-нибудь поэта, если ни разу их не встречал, но при этом он на удивление практичен, взыскателен и хорош в своем деле.

Она пролиستала свой ежедневник.

– На следующей неделе тебе предстоит большие съемки.

– Помню. В пятницу. У Альберт-Холла.

– В пятницу и в субботу.

– Сью, для этой работы два дня мне ни к чему. Если не возражаешь, я поручу Саймону обзвонить всех продавцов одежды и агентства насчет моделей. Я уже объяснил, какие мне нужны. Все улажено, честно.

– Ладно. Твоя взяла. Но попробуй только подвести меня!

– Не извольте беспокоиться, моя дорогая, – и он уставился на нее нежно-голубыми глазами: таким взглядам она уже научилась не доверять, но вместе с тем обнаружила, что противиться им невозможно. Так или иначе, ему всего двадцать пять, это она его нашла, и поскольку он еще недостаточно хорошо известен, чтобы перейти на внештатную работу, ей хотелось сохранить его при себе. Он работал ассистентом и у Нормана Паркинсона, и у Клиффорда Коффина – солидная практика – и всего несколько месяцев назад, когда они оказались заняты, сам явился к ней и предложил себя на замену. И справился с работой на редкость профессионально, блестяще подчеркивая достоинства каждой модели и скрывая их недостатки.

– Ладно уж, иди, – небрежно отмахнулась она. Все-таки она ему начальство.

Вернувшись на «ранчо», как он иногда называл замызганную квартирку на цокольном этаже дома в Кэмден-Тауне, которую снимал вместе с Саймоном, он застал последнего за мытьем кофейных чашек и объявил:

– Отбой тревоги. Налей мне кофе, потом позвони Панзи, пусть договаривается насчет всей одежды на пятницу.

Саймон вытер руки посудным полотенцем, с которого капала вода, и огляделся в поисках чайника.

– Она не обрадуется. Ей нравится, когда с ней советуются, а не отдают распоряжения.

– Объясни, что у нашей бабушки похороны. Обычно от такого люди затыкаются. И еще, Саймон, хватит прикидываться, будто твое дело сторона. Ты мой ассистент. Значит, должен стараться вдвое больше меня.

Ага, за три жалких фунта в неделю, мысленно подхватил Саймон, наполняя чайник и ставя его закипать с хрипами и свистом. Он четырьмя годами старше своего кузена, а вон как все обернулось!

Светлая челка упала на его высокий лоб, он склонился над жестяной «Нескафе», выскребая оттуда остатки кофе. Судя по всему, это еще одна работа, для которой он не создан, а он и так уже невесть сколько таких сменил за последние шесть лет. В университете все складывалось замечательно, в армии – отвратительно, офицером он быть никогда и не хотел, а потом кое-как выучился на электрика. Отец звал его в компанию, но и туда его не тянуло. Так он и дрейфовал от одной бессмысленной работы к другой, в то время как у Тедди, почти его ровесника, уже имелось жалованье, собственная квартира и автомобиль (правда, выданный ему компанией, ну и что, водил-то он его сам). А Невиллу было не занимать самоуверенности. Когда он уговаривал Саймона поработать на него – «три фунта в неделю и бесплатное жилье», – предложение казалось многообещающим. Но вся работа состояла в том, чтобы таскать тяжеленную и хрупкую аппаратуру в побитый «МГ» Невилла и обратно, а также выполнять всю домашнюю работу в квартирке, где ему самому приходилось спать в шкафу под лестницей. Комната у Невилла имела лишь одна и предназначалась для остального – вечеринок, бумажной работы, приемов пищи, словом, для всего. В другом стенном шкафу была устроена кухонька и крошечная ванная, в которой пахло грибами и из которой ты выходил с ощущением, будто бы стал чуть ли не грязнее, чем до купания. Несмотря на все это, Невилл ухитрялся придавать себе потрепанно-шикарный вид, а Саймон выглядел как... ну, как человек, оставшийся почти без средств к существованию. Похоже, он единственный из всех знакомых ему людей не имел ни малейшего понятия, чем ему заняться – или в чем его предназначение.

Он оценивал действия старших кузенов: Кристофер стал монахом и, должно быть, очень хотел этого, если так стремился. Тедди – ну, Тедди быстро превращался в подобие отца Саймона и его братьев, то есть в бизнесмена. Саймону никогда не хотелось стать одним из них, и это подтвердили три кошмарных месяца, которые он проработал в компании. Девчонки в порядке: или вышли замуж, как Полли и Клэри, или нашли свое призвание, как Лидия. Младшие не в счет: они все еще носятся с глупыми мечтами, что станут машинистами, или астронавтами, или, как Джульет, кинозвездами. А у него даже девушки нет. Была одна, правда, недолго, но хотела только на танцы чуть ли не каждый вечер, когда они виделись; а танцор из него никудышный, да и вообще он не мог себе позволить всю программу развлечений – ужин, билет в дансинг, напитки там же, вдобавок Пегги ждала, что потом он отвезет ее домой на такси, и явно рассчитывала, что в машине он ее поцелует. Ее разгоряченное, потное лицо с поплывшим макияжем вызывало у него отвращение, а попытки избежать поцелуев – приступ заикания. Ничего не вышло. «Не хочу больше с тобой встречаться, – сказала она. – Ты скупердяй и танцевать не умеешь». Если бы она его любила, она бы ни за что так не сказала. Впрочем, и он ее не любил, не испытывал ни капли чувств, вот только ее волосы ему нравились. С тех пор с девушками он сталкивался только в случаях, когда сам находился в унижительном положении: наводил порядок, готовил гостям чай или кофе, а также когда на него кричали и требовали поспешить, поскорее сделать, что велено. Он помногу спал и заметил, что ему становится все труднее вставать по утрам. Забавно, но похорон он ждал с нетерпением, потому что там почти наверняка будет Полли. А Полли он обожал – больше, чем кого-либо.

Все изменилось с тех пор, как умерла мама. Когда это случилось, он был в школе, и ему казалось, что злиться из-за этого он не перестанет никогда. Он пробовал было поскандалить на этот счет с Полли, но остановился, увидев, как сильно она мучается. Винаватым он назначил отца. «Каково бы ему пришлось, если бы его вызвали к директору, велели сесть, а потом объявили, что его мать умерла?» Но вслух он об этом даже не заикался, потому что видел, что и отец очень горюет. Сибил – так ее звали. Ему казалось странным, что он так сильно любит человека, которого ни разу не назвал по имени. И теперь, мысленно разговаривая с ней, что

с ним иногда случалось, он называл ее взрослым именем Сибил. С Полли, в отличие от отца, он мог поговорить о матери, а Уиллис, который скоро уходил в армию, хоть в раннем детстве и искал ее повсюду, но теперь совсем не помнил.

* * *

– Мне пора. Прости, дорогая, но если я опоздаю, мои кишки пустят на подтяжки.

– О, Тедди, вечно у тебя одно и то же. А я думала, у нас в запасе целый день. Ты же говорил. – Она приподнялась на локте и состроила задорную гримаску. – Ты в самом деле не исправим!

– Ничего такого я не говорил. Только что у меня долгий обед, а уже почти четыре часа. Я уже опаздываю, – он вскочил с постели и начал одеваться.

Она наблюдала за ним.

– Ну что ж, хорошо еще, у нас выходные впереди. Ты обещал сводить меня в тот шикарный ресторан в Брее.

– Боюсь, нет их у нас.

– Нет чего?

– Выходных. Я уезжаю за город с родными. – И, прежде чем она успела расхныкаться, добавил: – Моя бабушка умерла. В понедельник похороны.

– О-о, соболезную. А ты не можешь хотя бы вернуться в понедельник вечером?

– Увы, нет, – он уже повязывал галстук. – Вставай, конфетка, мне надо запереть квартиру. – Он оглядел ее, очаровательно растрепанную, с иссиня-черными волосами, рассыпавшимися по удивительно белым плечам. Кожа у нее чудесная, прямо шелк. Надев пиджак, он сдернул с нее простыню. Грудь у нее были маленькие, но красиво округленные, с густо-розовыми сосками; от прикосновений к ним она сразу распалась. Постель была ее стихией, но не проводить же в ней всю жизнь. Они обошлись без обеда, и он понял, что зверски голоден. В квартире из съестного он держал лишь кофе, который пил на завтрак – с готовкой у него не ладилось, – а Энни интересовалась лишь той едой, которую подавали в ресторанах.

Наконец она оделась, он посадил ее в такси. Наверное, мисс Корли, их общая с Хью секретарша, согласится принести ему сэндвич, если как следует попросить.

Ведя машину по Лондону, он размышлял о том, что понятия не имеет, какие чувства у него вызвала смерть Дюши. Сама смерть казалась ему настолько немислимой, таинственной и ужасной, что лишала его дара речи. Ее протяженность добивала его. Окончателность – вот это слово. Даже когда папа бросил маму, как бы ужасно это ни было для мамы и неловко для всех, но все же не означало, что их больше не будет. А Дюши теперь он больше не увидит никогда. Он понял, что на глаза навернулись слезы, когда транспорт впереди стал размытым. И быстро отер лицо. Реветь нельзя. Он же не плакал, когда Бернадин бросила его; честно говоря, он даже не расстроился, а скорее, вздохнул с облегчением. Хотя, вспоминая о ней, он признался себе, что она кое-чему научила его в сексе. Когда у них все только начиналось, секс казался не только самым прекрасным, что есть на свете, но и тем, что может быть прекрасным лишь с ней. А когда она захотела за него замуж, он пришел в такой восторг, что сразу женился на ней, ни слова не сказав родным. И был всецело уверен, что влюблен в нее, отчего все казалось радужным – пока она не приехала в Англию.

И возненавидела все сразу, особенно когда узнала, что он совсем не богат, что она себе явно навоображала. Так что он жил в разводе уже несколько лет, у него сменилось несколько девушек, но ни на одной из них он и не думал жениться. Все силы он отдавал работе, игре в сквош, летом – в теннис, и коллекции джазовых пианистов. Примерно раз в месяц отец с Дианой приглашали его на ужин, где он по-настоящему плотно заправлялся и ужасно много пил, и с той же частотой, примерно раз в месяц, он проводил довольно тягостный вечер у

матери. Она так ожесточилась, постоянно расспрашивала про отца, а он не знал, что сказать. Спрашивала и про Диану, и вопросы были как будто бы безобидными, но звучали ядовито, и отравы в них не становилась менее губительной от попыток скрыть ее. Ужаснее всего было то, что хотя он, конечно же, любил и жалел ее, но все-таки представить себе не мог, кто захочет лечь с ней в постель, и в то же время видел, что с Дианой, которую он вообще-то недолюбливал, его отец вытянул счастливый билет. Сочувствовал он и Роланду: тот с отцом почти не виделся. Ему уже минуло семнадцать, он как раз заканчивал учебу. Может, даже лучше для него жить в закрытой школе, а не с мамой.

В машине было жарко, и он, отирая лицо ладонью, почувствовал, что на его пальцах сохранился запах Энни.

Часть 3

Июль-сентябрь 1956 года

Арчи и Клэри

Из-за похорон поездку на отдых им все же пришлось отложить. Деньги, отданные за билеты на паром, пропали; правда, французская компания согласилась дать им трейлер напрокат на неделю с учетом полученного задатка. Но на этом их везение, похоже, и закончилось. Во время переправы поднялись сильные волны, обоих детей непрерывно тошнило; Клэри пришлось обтирать их губкой в нездоровой атмосфере каюты с раковиной и уборной, распаковывать чистую одежду и выпрашивать у стюарда мешок, чтобы сложить в него запачканную. Никто не сомкнул глаз, каюта провоняла рвотой, дети измучились. Арчи делал все, что мог, чтобы помочь Клэри, принес из машины чемоданы, сходил в бар за напитками – ячменной водой с лимоном для Гарриет и Берти и бренди с имбирным элем для Клэри. «Твой напиток экстренной помощи», – объявил он и был вознагражден бледной, но благодарной улыбкой. Они уложили детей на койки и весь остаток ночи читали им вслух.

Утро было сереньким, с периодическими проблесками солнца; начался длительный процесс выгрузки машин с парома. Они прибыли в Сен-Мало, их приветствовало желанное зрелище целого ряда кафе.

– Сейчас у нас будет отличный завтрак, – пообещал Арчи.

Завтрак удался на славу. Дети с удовольствием уплетали круассаны с кофе, сильно разбавленным молоком, но гвоздем программы стал старик, который неторопливо прошелся туда-сюда мимо них с гепардом на поводке. Естественно, это взбудоражило детей, и он, заметив интерес, остановился возле их столика. Оказалось, что гепарда зовут Соня, хозяин предложил детям погладить ее по голове. Арчи вовремя сообразил, что от него ждут чаевых, и поскольку мелочи у него не нашлось, чаевые получились довольно крупными. Но не пропали зря: дети были совершенно очарованы.

А в остальном отдых вышел так себе. Часто шли дожди, больная нога Арчи ныла сильнее обычного, трейлер оказался не самым подходящим местом, чтобы просиживать в нем часами. Но когда наконец выглядывало солнце, дети с упоением играли на берегу, в озерах морской воды среди камней и песка: каждый облюбовал себе свое озерцо, и оба часами радостно плескались в них и ловили креветок.

Арчи и Клэри ходили на пляж по очереди: пока один был с детьми, другой наводил порядок в трейлере, пытался хоть как-нибудь просушить их запас полотенец, чтобы хватило детям, бегал за покупками и готовил еду для пикников. Однажды, когда Берти пожаловался, что у него царापучий сэндвич, Гарриет напустилась на него:

– А какой еще он должен быть? Думаешь, почему он называется «санд-вич»?²

– В Англии они не царапаются, – Берти чуть не плакал.

Клэри взяла его за облепленную песком лапку, дочиста вытерла ее, а потом стряхнула песок с его багета.

– В Англии была преобладающая война, и миссис Беррелл в школе говорила про всякий дефицит. Вот и песок тоже был в дефиците, дуралей.

– Я не дуралей. А ты противная.

– Не противнее тебя.

---

² От sand – песок (прим. пер.).

Они сердито уставились друг на друга.

Арчи разразился громкими притворными рыданиями.

– За что мне достались сразу двое противных детей? Это ты виновата! – он возмущенно уставился на Клэри, которая сразу подхватила игру.

– Нет, ты! Я нисколько не противная, значит, дело в тебе, – и она тоже разрыдалась.

Гарриет обняла отца обеими руками.

– Не плачь, папа! Ты совсем не противный, и мама тоже, – она протянула руку, чтобы утешить и мать. – На самом деле вы любите друг друга. А сейчас только Берти расстраиваете. От ваших ссор все сразу портится.

Арчи послал Клэри воздушный поцелуй.

– Я ужасно виноват, дорогая. Я не нарочно.

– Да ладно, ничего. И ты меня извини. – И увидев, что дети наблюдают за ними удовлетворенно и с облегчением, она добавила: – И вы, Гарриет и Берти, тоже любите друг друга, правильно?

После паузы Гарриет ответила:

– Более-менее. – Потом посмотрела на встревоженное, красное, зареванное личико Берти и смягчилась: – Я по правде тебя вообще-то люблю, – сказала она. – Почти всегда.

Арчи подхватил:

– Вот и обними его.

Так она и сделала и сказала:

– Обняла, хоть от него противно пахнет сардинами. Ты же знаешь, как я их терпеть не могу.

Берти, заметно оживившись, заявил:

– Хочу яйцо, крутое, а не на сандвиче.

Такие сцены разыгрывались еще несколько раз – в основном когда шел дождь и детям надоедало сидеть в трейлере с головолломками и книжками.

С точки зрения Арчи и Клэри, хуже всего были вечера. Иногда они ходили куда-нибудь поужинать, но уже к девяти Гарриет и Берти, уставшие от купания, дележки лужиц на берегу и солнца, начинали клевать носом. И все бы хорошо, но вести себя приходилось как можно тише, потому что внутренние перегородки в трейлере отсутствовали. Однажды он попытался было заняться с ней любовью, но рядом со спящими детьми оба чувствовали себя скованно. В конце концов они стали выносить два складных стула наружу – сидели, потягивали тагс, курили и тихонько разговаривали. У Берти обнаружилась склонность к ночным кошмарам – с участием гигантской медузы с жалом и гепардихи Сони, которая, по его словам, втайне хотела съесть его.

В итоге оба вздохнули с облегчением, когда неделя наконец закончилась. Для Клэри она так и не стала настоящим отдыхом, а Арчи ни разу не взялся за рисование.

Луиза

Луиза валялась на животе в саду снятой ее отцом виллы в нескольких милях к западу от Вентимильи. Она спустила с плеч бретельки бикини, чтобы ровнее загорела ее золотисто-коричневая спина. Вилла, когда до нее наконец добрались, оказалась большой и обставленной многочисленной мебелью, обитой линялым бархатом. К ее недостаткам, не упомянутым агентами, относились всего одна ванная на семь спален и две уборные, смыв в которых работал нехотя, а иногда отказывался работать вообще. В противомоскитных сетках над кроватями было полным-полно дыр с расположением, хорошо известным москитам. Дом, который описывали как стоящий в саду у самой границы пляжа, на самом деле был отрезан от моря железнодорожной веткой, переходить через которую требовалось осторожно, так как маленький пыхтящий паровозик гонял по ней туда-сюда с неопределенными интервалами. Компанию

отдыхающих составили, кроме Луизы, папа, Диана, их младшая дочь Сюзан, брат Дианы с его новой женой, и за всех платил папа. На вилле служили и кухарка, и садовник, так что от Дианы требовалось только заказывать блюда. Но несмотря на все это, в атмосфере витало ощущение неудовлетворенности. Луиза видела, что Диана обращается к ее отцу, только чтобы поручить ему сделать что-нибудь: «Ты мог хотя бы...» – так она зачастую выражалась. На него Диана возложила вину и за железную дорогу, и за пляж почти без песка. Но вместе с тем Луиза заметила, что в присутствии брата и его жены Мардж Диана изображает преданную жену. С самой Луизой она общалась вежливым, но ледяным тоном, и Луиза чувствовала себя здесь лишней.

В поисках утешения она обратилась к пыльным, переплетенным в кожу томмам, живущим в гостиной, в шкафу с застекленными дверцами. Сейчас она читала биографию Катерины Сфорца, в том числе занимательную главу о ядах, которые советовала Катерина в зависимости от того, какой должна была стать смерть жертвы – мгновенной или по прошествии некоторого времени после отъезда из ее дворца.

– Я как раз надеялся, что найду тебя здесь. Не переусердствуй, дорогая, – уже заметно покраснение. – Эдвард взял стоящую рядом с ней бутылочку с маслом для загара. – Хочешь, намажу тебе спину?

Она села. Как чудесно было повидаться с ним с глазу на глаз.

– Буду рада.

Она смотрела, как он наливает масло себе на ладонь. На счастливого человека он не похож, думала она. Может, Диана некрасиво обошлась с ним и ему захотелось довериться ей, Луизе?

– А где остальные?

– Все ушли купаться.

– А ты?

– Не захотелось.

– Тебя что-то тревожит.

– Ну... да, пожалуй.

– Папа, мне-то можешь рассказать. Ты же знаешь, я никому не скажу.

– Дорогая, да я не прочь тебе рассказать, но боюсь, ты ничего не сможешь поделать. Это из-за денег. Они у меня заканчиваются. Я же понятия не имел, насколько дорогой окажется здесь еда и все остальное. Слугам платить не приходится, но без чаевых не обойтись, а еще предстоят расходы на обратную дорогу. Я взял с собой столько наличных, сколько разрешили провезти. Так что да, это меня тревожит. Об этом я не рассказывал никому, даже Диане, потому что она скажет, что я сам виноват – что, конечно, так и есть, – он отставил масло для загара в сторону и вытер ладони о траву.

Луизу, в голове которой все это время кипела работа, вдруг осенило.

– Папа! Кажется, я знаю, что можно предпринять. Моя подруга Стелла сейчас отдыхает у своих дяди и тети в Ницце. Она дала мне свой номер – на случай, если мы туда поедем. Если я позвоню ей, ручаюсь, она раздобудет для тебя денег. Только скажи, сколько тебе нужно, и я ей позвоню.

– Правда, дорогая? Это было бы замечательно.

Она вскочила.

– Пойдем прямо сейчас.

Все чудесным образом уладилось. Да, Стелла могла бы найти деньги к завтрашнему дню, и да, она привезет их сама – сядет на поезд из Ниццы до Вентимильи. Не сможет ли Луиза встретить ее на станции?

Голос Дианы из ванной:

– Антонио говорит, автобусы до Вентимильи ходят каждый час. Вот на нем пусть и едет.

– Думаю, по такой жаре мне надо отвезти Луизу на машине.

– О, милый, я уже пообещала остальным, что ты сходишь с нами на пляж. Ты ведь не ходил вчера.

Стало тихо, и Луиза, которая подслушала их, выходя из ванной, представила, как отец пожимает плечами – и сдается. Ей было невыносимо видеть, как отец всякий раз уступает, невыносимо и ненавистно, но предстоящая встреча со Стеллой так взбудоражила ее, что она решила забыть об услышанном и постараться успеть на ранний автобус, чтобы прибыть на станцию к одиннадцати.

* * *

– Боже, как все-таки чудесно видеть тебя!

Стелла была в черной блузке без рукавов, полосатой хлопковой юбке и, как всегда, в больших очках в роговой оправе. Вытащив из плетеной соломенной сумки носовой платок, она вытерла лицо. Луиза продолжала:

– Очень любезно с твоей стороны приехать в такую даль. Стелла, ты правда настоящий друг.

– De rien. Честно говоря, я была только рада ненадолго сбежать от родни. От всех этих плотных трапез с тетусками и дядями. И ответов на одни и те же вопросы от всех подряд: есть ли у меня молодой человек? Когда свадьба? Ну, ты поняла.

Они зашагали к автобусной остановке.

– Наверное, придется немного подождать.

– Пойдем выпьем холодного. В поезде было ужасно жарко, я измучилась от жажды.

– Мне очень жаль, но денег на выпивку у меня нет. Только на автобусный билет, – Луиза не добавила: «Притом только на свой», потому что и без того сгорала от стыда.

Стелла бросила на нее быстрый взгляд и заверила:

– Ничего. Денег у меня полно.

Они выпили кампари с содовой на станции и наконец дождались автобуса.

От Вентимильи начинался подъем в гору, автобус остановился в нескольких сотнях ярдов от виллы. Взбираться дальше по склону пришлось пешком.

К тому времени как они доплелись до виллы, все уже сидели за большим овальным обеденным столом. Папа поднялся, остальные главели на них в молчании, которое Луиза сочла грубостью. Выслушав, как папа обратился к Стелле, поблагодарил ее за приезд и представил свою жену, Диана заявила:

– Как видите, за столом больше нет места, вот я и подумала, что вам, девушки, стоит устроить пикник в саду. Зайди на кухню, Луиза, Мария скажет тебе, что взять.

Не говоря ни слова, Луиза взяла Стеллу под руку и вышла. В кухне Мария выкладывала на блюдо жареную курицу.

– Ici votre déjeuner.

На отдельном подносе были приготовлены холодная ветчина, багет, кусок бри и немного фруктов. И никакого вина, только бутылка «Пеллегрини».

– Bon appétit, – крикнула вслед Мария, пока Луиза уходила с подносом. Они бродили по саду, пока не нашли тенистое место. Стелла взяла с подноса бутылку, чтобы его было удобнее нести.

Когда они наконец устроились, униженная и рассерженная Луиза с трудом выговорила:

– Мне очень жаль. Я ужасно сожалею, и мне стыдно. – У нее брызнули слезы. – За этим проклятым столом мне всегда хватало места, и с легкостью нашлось бы еще одно.

Стелла протянула ей бумажную салфетку.

– Может, она не любит евреев. – Тон был легким, но в этом замечании сквозило такое обилие печального опыта, что Луизе стало еще тяжелее.

– Ты – моя лучшая подруга, мой отец знает об этом, ты потратила целый день своего отпуска, чтобы помочь им. Мне так стыдно. Твои родные всегда были добры ко мне. – Помолчав, она еле слышно добавила: – Ненавижу стыдиться за своего отца. Он стал тряпкой, он постоянно уступает ей. Терпеть этого не могу. И ее ненавижу.

– Ну, их ты не переделаешь. Остается лишь принять их такими, какие они есть, и не давать себя в обиду.

– Легко сказать.

– Во всём так.

– Знаешь что, сейчас пойду и раздобуду нам бутылку вина. У Марии на кухне наверняка найдется.

– Неплохо придумано.

Какими разными бывают семьи, думала Стелла, пока Луиза ходила за вином. Ей самой часто казалось, что отец душил ее то своим любопытством, подробно расспрашивая о работе журналиста, то периодическими упреками за то, что она не изучает медицину в университете. А тетушки и мать непрестанно изводили ее расспросами о женихах и браке. Но они хотя бы беспокоились за нее, пусть и раздражали этим. А несчастной Луизе приходилось терпеть слабовольного отца, озлобленную мать и враждебно настроенную хищницу-мачеху.

– В холодильнике нашлась бутылка розé. – Луиза плюхнулась на землю напротив Стеллы. – Надо было тебе начать, не ждать меня. Я еще прихватила два помидора.

– На самом деле, – сказала Стелла, пока они делили багет, – это даже лучше, что ты всецело предоставлена мне. И здесь приятнее, чем сидеть в нашей душной квартирке. Когда я уезжала, Лондон будто кипел на медленном огне.

– Да уж. Потому что у нас все окна выходят на юг, и ни единого деревца поблизости нет, – она разболталась, оценив тактичность Стеллы и опасаясь, что снова окажется на грани слез.

– От Джозефа нет вестей?

– Писем он почти не пишет. Самое забавное, что он всего в нескольких милях отсюда.

– Правда? И где же?

– Где-то в Кап-Ферра. – Песочница для самых богатых, мелькнуло в голове у Стеллы. – Ну и я, разумеется, не могу писать ему туда – в Лондоне я пишу на адрес его конторы. Он планирует провести здесь шесть недель с родными и целой толпой друзей, а когда вернется, весь загорелый и виноватый, я постараюсь разобидеться на него, но у меня ничего не выйдет.

– Ну, насчет его виноватости не знаю, а вот ты определенно загорела. У тебя прелестный оттенок загара, дорогая моя, только не перестарайся. Ты не поверишь, сколько здесь в округе на пляжах этаких ящериц, трясущихся старух с морщинистой кожей цвета конских каштанов.

Обе разглядывали тела друг друга. Луиза щеголяла в коротеньких ярко-голубых шортах и верхней части бикини: эта одежда оттеняла ее позолоченную солнцем фигурку – хрупкие плечи, плоский живот, длинные стройные ноги, педикюр бледного розового оттенка. Она бесспорно красива, с уколом зависти думала Стелла, тело которой было лишено всех этих достоинств. Ее будто сначала слепили, а потом сжали, так что шея вышла слишком короткой, талия очутилась под самой грудью, бедра и икры составили ноги, для которых самым подходящим определением было «коренастые». А от солнца она покрывалась сыпью.

Но ее лицо во многом сглаживало впечатление: чудесные черные волосы кудрявились пышной шапкой, серовато-зеленые глаза над высокими скулами искрились любопытством и умом, и родинка так удачно сидела под маленьким, но выразительным ртом. Очки она носила почти постоянно и читать без них не могла, но когда все-таки снимала их, внешне сразу становилась моложе и беззащитнее.

– Я так сильно потею, – сказала она, заметив, что Луиза разглядывает ее. – Особенно кожа головы. – И она виновато улыбнулась.

Разговор зашел о чтении. Луиза рассказала ей про Катерину Сфорца, а Стелла – про одну флорентийку, которая, собираясь замуж за короля Франции, взяла с собой повара.

– ...и этим навсегда преобразила французскую кухню.

– Каким образом? Травила людей?

– Нет. Ну, может, кого-то она и отравила, но главное – объяснила французам, что смысл соусов в том, чтобы подчеркивать вкус всего, что они едят, а раньше соусами пользовались просто для того, чтобы незаметно было, что мясо с душиком.

– Так ты об этом сейчас читаешь? Что же это за удивительная?..

Но Стелла перебила ее:

– Об этом я читала еще давным-давно. Нет, сейчас у меня «История западной философии» Бертрана Рассела. Мой отец так возмутился, узнав, что я ее не читала, что прислал мне ее домой с курьером. Луиза, я, наверное, уже поеду. Мне надо успеть на поезд и вернуться к ужину. Так что лучше мне прямо сейчас повидаться с твоим отцом и отдать ему деньги.

Они собрали остатки на поднос и вернулись в дом. Там было нечем дышать от жары и очень тихо – почти все устроили себе сиесту. Отец Луизы дремал в кресле в гостиной.

– Прости, дорогая, что-то меня разморило.

– Стелла привезла тебе деньги. – Она укоризненно возвышалась над ним, желая видеть «папу-без-Дианы». Он и стал им.

– С вашей стороны было чрезвычайно любезно проделать такой долгий путь. Я вам несказанно признателен. Вы знаете, сколько здесь? Чтобы я выписал чек, если ваших родных это устроит?

– Здесь сумма, равнозначная пяти сотням фунтов. Чек нужно выписать на имя моего отца, доктора Натана Роуза.

– Так... – Он взялся за чековую книжку, которая лежала наготове перед ним на столе. – Можно еще узнать его адрес? Я обязательно должен написать ему и поблагодарить.

– У меня есть его адрес, папа. А Стелле уже пора, чтобы успеть на поезд.

– Ну, в таком случае позвольте хотя бы отвезти вас на станцию.

Это было кстати. Он снова стал ее обаятельным и симпатичным папой.

Стеллу он посадил вперед и во время поездки без умолку беседовал с ней, расспрашивал ее, как проходит отдых, приглашал их обеих к себе в клуб осенью. На станции он проводил их до перрона, где уже ждал маленький поезд. Стелле он пожал руку, потом наклонился и поцеловал в щеку.

– Вы меня спасли. Не могу даже выразить, как я вам благодарен. Пожалуйста, передайте это вашим родным, хорошо?

– Непременно.

Стелла и Луиза обнялись.

– До встречи в Мондебри³.

– Это так вы называете свою квартиру? – спросил он, когда они вдвоем вернулись в машину.

– Да. Довольно меткое название.

– Вам не хватает мебели и тому подобного?

– Не то чтобы не хватает. Все самое необходимое у нас есть. Стелле кое-что подарил ее отец.

– А что мог бы подарить я?

– М-м... – И она рассказала ему про их плиту, купленную за два фунта и десять шиллингов: в дверце духовки у нее была дыра, и плотной бумаги, которой ее заклеивали, надолго не хватало. – Так что нам нужно раздобыть новую – я имею в виду, тоже подержанную, но другую.

---

³ Mon Débris – «мои развалины» (прим. пер.).

– Я об этом позабочусь, дорогая. – Он пожал ей руку.

Спустя некоторое время он сказал:

– Ты извини за обед. Понимаешь, Диана сама не своя. То ли климакс, то ли еще что.

– А-а. – Луиза мысленно взяла себе на заметку: когда этого возраста достигнет она – а это случится лишь через много-много лет, – то постарается быть особенно милой со всеми; и ничем таким оправдываться не придется.

– Как у тебя с личной жизнью? – спросил он, когда они уже подъезжали к вилле.

– Все так же, – ответила она. – Замечательно. – Но невольно отметила, что два ответа не сочетаются друг с другом. – Он уехал надолго, на целое лето, куда-то на юг Франции, и, кстати говоря, даже не пишет. Потому я и расстроена немножко.

– Хорошо, что ты с нами, – сердечно произнес он. Он же ничего не заметил, подумала она.

– Боюсь, быть любовницей гораздо труднее, чем иметь ее, – добавил он. Значит, кое-что все-таки заметил, стало ясно ей.

Через десять дней ее отвезли в аэропорт Ниццы, откуда она улетала домой. Сама она считала, что ее вышвырнули. Диана просто не желала повторения двух ночей в отеле с его баснословно дорогой едой и заявила, что на заднем сиденье не хватит места для Сюзан, всего багажа, да еще и Луизы. Отец дал ей денег, чтобы она купила себе духи в аэропорту, она отыскала свои любимые «Беллоджа» от «Карон», и они порядком сгладили впечатление.

В самолете она приняла ряд решений, начинающихся с «никогда»: никогда больше не ездить на отдых вместе с Дианой, никогда не ходить к ним на ужин, никогда не встречаться с отцом в ее присутствии. Все они казались вполне разумными, но от них ей стало грустно.

Рейчел и Сид

– Айлин спрашивает, не хочешь ли ты пообедать в саду.

– А ты?

– Если ты согласна.

– Хорошо, как скажешь.

Все это утро, как и всю неделю после похорон, Рейчел писала письма, писала и часто плакала. Столько людей написали, говорила она, – уверяли, что похороны были прекрасными, или выражали сожаление, что не смогли присутствовать. Ей казалось, что она обязана ответить всем, но это не могло не сказаться на ее самочувствии, почти рассерженно думала Сид. Лицо Рейчел по-прежнему было бледным и осунувшимся от горя и недосыпа. Свежий воздух пошел бы ей на пользу, а после обеда она уговорила бы ее отдохнуть. После чая можно было бы прогуляться. Сид самой до сих пор нездоровилось, но она допила чудодейственные таблетки и не сомневалась, что идет на поправку. Она должна выздороветь – хотя бы для того, чтобы Рейчел перестала нянчиться с ней и тревожиться.

Выдался еще один дивный день с воздухом, полным лаванды, пчел и роз. Бабочки слетались к буддлее, которая только начинала цвести. Какой все это могло быть идиллией, если бы только...

За обедом, холодным цыпленком, салатом и малиной, обе уговаривали друг друга есть как следует – почти без толку. Но Сид как-то сумела влить в Рейчел бокал хереса, и он возымел некоторый эффект. Сид не терпелось обсудить их будущее, но Рейчел отвлекали мысли о том, как ее братья намерены поступить с Хоум-Плейс, и в итоге почти все время они только об этом и говорили. Хью, несомненно, хотел сохранить дом, и Руперт наконец решил, что и ему хочется того же самого. Эдвард ясно дал понять, что он против, и поговаривали, что он просто передаст свою долю остальным. Мать оставила Рейчел небольшие деньги, доставшиеся ей в качестве приданого и надежно и скудно вложенные в компанию Казалетов с таким расчетом, чтобы приносить четыре сотни дохода в год. Помимо этого, ей причиталась немалая доля акций

компании – еще один источник дохода. Бриг завещал мебель и личные вещи в пожизненное пользование Дюши, после чего все имущество надлежало разделить между четверью детьми поровну. По-видимому, Рейчел понятия не имела, сколько у нее денег, и явно не думала о них. А сама Сид сдавала в аренду свой маленький дом в Сент-Джонс-Вуд и получала небольшую пенсию от школы, в которой преподавала всю жизнь.

Незачем даже сравнивать. Они столько пережили, да еще в разлуке, когда им хотелось быть вместе, так что теперь было бы только справедливо успокоиться в безмятежности, в некоей надежной гавани, где незачем ни обманывать, ни притворяться, называя мучительное вожделение простой привязанностью. Правда, в их случае привязанность была дыханием любви. Именно привязанность помогла Сид быть терпеливой, нежной, дорожить первыми сбивчивыми заверениями, на которые оказалась способна Рейчел, – такими, как слова «я предпочла бы тебя кому угодно в мире», сказанные в чайной Гастингса в одном из немногих случаев, когда ей удалось выманить Рейчел туда, оторвав от семейных обязанностей. Но все это было или еще до войны, или когда она только началась, а потом последовали годы томления и неудовлетворенности, за время которых она изменила Рейчел с той надоедливой девчонкой Тельмой. Их с Рейчел воспитывали так по-разному: Рейчел учили строго следовать дочернему долгу и соблюдать обязанности незамужней тетушки пренебрегать собой, ни на минуту не задумываться о том, интересна ли она или привлекательна; ее мнение, если оно и существовало вообще, полностью соответствовало тому, чего, как ей казалось, от нее ждут, и так далее, и тому подобное; все это выглядело плачевно и порой раздражало. Сид же росла, по сути дела, главой своей маленькой семьи: ее отец умер, когда она была еще ребенком, мать постоянно нуждалась в руководстве, а младшая сестра завидовала ее музыкальному таланту и была бессердечна с матерью. Денег вечно недоставало; материнскую пенсию приходилось чем-то дополнять, пытаться находить работу сестре, жить с ней и справляться с ее каждодневной завистью. По всем перечисленным причинам Сид ушла из оркестра ради постоянной работы – преподавания музыки в школе для девочек в дополнение к частным урокам. Все это обеспечивало ей авторитет определенного рода, и она пристрастилась одеваться в несколько мужском стиле: в твидовые юбки, толстые шерстяные чулки, рубашки с галстуками, стричь волосы коротко, по-мужски.

Ее лицо, не знавшее увлажняющих средств, выглядело обветренным, как будто она большую часть жизни провела на сильном ветру или в море. Только живые светло-карие глаза ничуть не изменились и в улыбке светилось обаяние.

– Если мы откажемся от дома, будет так обидно – из-за детей, – Рейчел сказала об этом, как раз когда ей уже хотелось сменить тему.

Обед закончился, Сид прикурила сигареты им обоим от симпатичной черепаховой зажигалки – подарка Рейчел на ее прошлый день рождения.

– Ты же знаешь, чего бы хотелось мне, дорогая.

Рейчел полулежала в своем плетеном кресле, но теперь выпрямилась.

– Чего?

– Увезти тебя куда-нибудь отдохнуть в тишине. В Озерный край или куда захочешь ты. – И она добавила, прибегнув к уловке: – Что-то в этом роде мне просто необходимо. Чтобы добить этот вирус раз и навсегда.

Она увидела, что ее слова произвели эффект. Стайки мелких морщинок разбежались по лицу Рейчел, она прикусила губу и обеспокоенно взглянула на Сид.

– Какой ужас! Ну конечно, нам надо устроить отдых – тебе он просто необходим. Обидно иметь репутацию человека, который заботится о других, и ничем ее не оправдывать, – эти слова она произнесла чуть ли не с улыбкой. – Так куда бы тебе хотелось съездить, дорогая моя?

Сид так бы и вскочила и бросилась обнимать Рейчел, но в этот момент появилась Айлин с тележкой, чтобы увезти посуду после обеда.

– Было изумительно, – сказала Рейчел. – Вы не передадите это миссис Тонбридж? – Айлин пообещала передать. – Надо бы только узнать, когда хотят приехать дети, прежде чем строить планы.

Господи, мысленно ахнула Сид. Если не подстраховаться, сейчас она скажет, что никуда не сможет поехать, – из-за родных.

– Они ведь всегда приезжают вместе с родителями, – осторожно напомнила она. – И знают поместье вдоль и поперек. Поверь мне, их вполне можно оставить здесь, они и так справятся.

– Ну а мне все-таки надо выяснить у них.

– Разумеется, надо. А теперь, сокровище мое, тебе пора вздремнуть. Где ты хочешь устроиться – прямо здесь или в спальне?

– Пожалуй, здесь.

Сид сходила за пледом, укрыла Рейчел и услышала от нее:

– Надо собрать душистого горошка. Ты не забыла?

Каждый вечер с тех пор, как похоронили ее мать, Рейчел собирала свежий букет любимых цветов Дюши и относила ей на могилу.

– Нет, конечно. Соберем его после чая, и я схожу с тобой. – Она наклонилась, чтобы поцеловать Рейчел в лоб. – Я к себе в постель. Разбужу тебя к чаю.

* * *

Я как будто вернулась почти к тому же, с чего начала, с грустью думала Сид. За последнюю неделю она провела в постели с Рейчел всего одну ночь, и Рейчел жалась к ней, рыдала и всхлипывала в ее объятиях, пока не утомилась от слез и в конце концов не уснула. О физических контактах любого другого рода не могло быть и речи.

Когда мы уедем, думала она, если уедем вообще, все мало-помалу вернется к тому, что было раньше. Это вопрос просто-напросто терпения и любви. Но почему и то, и другое принято считать простым, она совсем не понимала.

Полли и Джералд

– Если продадим еще одну картину, тогда сможем.

– Не можем же мы постоянно продавать картины. – Его недавно набитая трубка догорела, он уныло разглядывал ее.

– А мы и не продаем их постоянно. Мы продали всего шесть – по одной для каждого из детей и три для того, чтобы навести в доме хоть какой-то уют. Ты же хотел обеспечить детей за счет продажи Тернера, и нам требовалось сделать дом пригодным для жилья. Но ни то, ни другое не означает, что у нас появился какой-то доход. А если отделать один или два зала для приемов, мы могли бы проводить здесь празднования свадеб и дней рождения.

Он заворчал, что не желает, чтобы по всему дому болтались посторонние, а она только взглянула на него и рассмеялась, и он рассмеялся вместе с ней.

– Ох, Полл, как ты только меня терпишь? Ну разумеется, не будут они болтаться, и уж во всяком случае, не по всему дому. Но неужели ты правда считаешь, что кто-то захочет праздновать здесь свадьбу?

– Да. Большинству людей приходится арендовать какое-нибудь помещение для этих целей. Я составила примерный план предстоящих работ.

– Уже? Ты все продумала. Дорогая, ты чудо. Как ты ухитрилась?

– Ну, надо же было чем-то заниматься под присмотром няни, которая бдительно следит, чтобы я не забывала бездельничать.

Она лежала на желтом диване, одетая в кафтан – переливчатый, цвета павлиньего пера, скрестив маленькие белые босые ножки. Вечерело, комнату заполнили лиловые тени, отступающие лишь у дальнего конца дивана, где под лампой золотились ее волосы. Он думал, что она выглядит как очаровательное полотно французского живописца.

– Я просто прочитаю тебе, что мне пришло в голову, а ты скажешь, что думаешь об этом. Для приемов мы могли бы предложить большую гостиную и примыкающую к ней старую библиотеку. Прежнюю маленькую гостиную можно было бы переделать во что-то вроде кухни – словом, место, где расположится банкетная служба. В столовой можно сервировать угощения и напитки. Придется предусмотреть несколько уборных, но если мы разместим их с северной стороны, водопровод там уже есть. Гости смогут входить в дом через прежние парадные двери. Вот, в сущности, и все, но само собой, надо еще вызвать мистера Косси и выяснить, во сколько это обойдется. Что скажешь?

Конечно же, он счел идею блестящей, вот только сомневался, что найдется много желающих арендовать такое помещение, и не знал, сколько им с Полли запросить с них. И потом, как быть с парковкой и местом, где невеста могла бы переодеться перед отъездом?

Ставить машины можно во дворе перед домом, ответила она, а насчет гардеробной для невесты он совершенно прав.

– Для нее можно отвести ту забавную комнатку, где няня впервые кормила нас обедом.

– А если предположить, что совершенно случайно не будет ни дождя, ни ледяного холода? Вдруг они захотят устроить прием с коктейлями и тому подобным на открытом воздухе?

– Боже мой, ну конечно, захотят! Но с этой стороны дома сад в плачевном состоянии. Придется им заняться. – Она вздохнула, потом зевнула.

– Пора в постель, – заявил он. – Сейчас наброшу покрывало на клетку. – Однажды он назвал ее «Пупсиком Полли» – прозвищем попугая из пьесы, а она ответила, что попугай из нее такой же, как из него лягушонок.

Он помог ей подняться с дивана, наверх они направились, держась за руки.

– Имей в виду, с каждым днем я все толще.

– А как же иначе? Мы ведь хотим маленького крепыша...

Позднее, когда они уже лежали бок о бок, он пробормотал:

– Попугай и лягушонок. Прямо как название захудалой мастерской, которой руководят незадачливые профаны. Или слащавой сказочки для малышни.

– Но ведь нам подходит – пока это строго между нами.

– Да, – согласился он. – Все лучшее в нас – строго между нами. – Он положил ладонь ей на шею и повернул лицом к себе. – Я тут как раз подумал еще о кое-чем приватном. Ты как, не против?

– Буду только рада.

Но заканчивая целовать ее, он сказал:

– Нет, «не сегодня, Жозефина». Ты измотана. Незачем тебе быть настолько покладистой, милая. Я настолько люблю тебя, что буду счастлив просто проводить с тобой утренние часы.

– Ой, надеюсь, не только. А то через месяц-другой такой жизни мне будет казаться, что меня бросили.

– Ложки?

– Ложки.

Она легла на бок спиной к нему, он обнял ее. Оба уснули, держась за руки.

Хью и Джемайма

– Она согласилась развестись с ним. Видимо, согласилась уже больше года назад, и решение вступило в силу. А он ничего об этом не говорил.

– Полагаю, он просто считал, что ты попытаешься отговорить его. По словам Полли, двое ее детей от него. Трудно винить ее за желание выйти замуж за их отца.

Они ужинали на маленькой террасе при кухне, расположенной в цокольном этаже. Сыновья Джемаймы, Генри и Том, играли в «Монополию» в гостиной, Лору уже уложили спать. Днем она так усердно «помогала» Тому и Генри запускать кораблики на Круглом пруду в Кенсингтонских садах, что переутомилась, и за чаем расплакалась из-за отсутствия сэндвичей с «мармайтом». Но с точки зрения Джемаймы, «мармайты» слишком отдавал долгими годами продуктов по карточкам, и она всегда старалась сделать детский чай более разнообразным и питательным. Мальчишки сметали все и просили добавки, – как жизнерадостные щенки, думалось ей, а Лоре хотелось, чтобы все было как всегда, за катастрофическим исключением «Китикета»: Лора обожала Рили, кота, которого купил ей Хью, и ее не раз заставляли за попытками кормить его и подбедать все кусочки, которыми он пренебрегал.

– Мне правда ужасно нравится его еда, – заявила она, облизывая жирные пальцы, а затем вытирая их о перепачканное платье.

– И как же тебе удалось ее остановить? – спросил со смехом Хью, которого восхищало и забавляло все, что вытворяла его дочь.

– Объяснила ей, что это очень нехорошо по отношению к Рили. Сказала, что особую еду он ест потому, что у него шерсть. После этого она так больше не делала, но как обычно, последнее слово осталось за ней.

– Какое?

– Что она совсем не против, даже если у нее по всему телу вырастет шерсть, и одеваться не надо будет.

– Из нее получилась бы чудесная кошечка.

– А я сказала, что если она превратится в кошку, ты расстроишься.

Почему мы болтаем так беспечно, думала Джемайма, убирая тарелки из-под рыбы и салата и подавая малину. Я же знаю, у него болит голова, он страшно расстроен из-за Эдварда и обеспокоен нежеланием Саймона работать в компании – и вообще хоть где-нибудь работать, – и, конечно, хуже всего то, что его мать умерла. Ей вспомнились похороны: церковь, полная цветов, почти вся семья в сборе, довольно неожиданный приезд Майры Хесс, чтобы сыграть «Иисус, радость человека» на плохоньком пианино. Этот момент стал чуть ли не самым лучшим; все дети Дюши были очарованы и растроганы.

Потом все они вернулись в Хоум-Плейс, где перед церковной службой миссис Тонбридж накрыла прекрасный стол, и атмосфера сдержанного торжества сохранялась. Все три брата произнесли в церкви небольшие речи. Получились душевные проводы. Младших внуков оставили в Хоум-Плейс, а детей Полли – дома с ее мужем. Но Тедди и Саймон, Луиза, Клэри и Арчи с Гарриет и Берти, обязанными Дюши множеством счастливых каникул, Зоуи с Джульет, Лидия, сумевшая на день отпроситься из труппы, – все они присутствовали в церкви. Не было лишь Роланда, поскольку Вилли отклонила приглашение на том основании, что не желает видеть Эдварда и не позволит Роланду встречаться с ним без нее. На самом же деле, как поняла сейчас Джемайма, она опасалась встречи с Дианой, которая милостиво не явилась.

Странно, думала она, что вместе с удовлетворенностью – нет, счастьем, – в собственной жизни (Хью оказался самым заботливым и любящим мужем, какого только можно пожелать) к ней пришла тревога за всех остальных. Нет, как в большинстве случаев, это не совсем верно: ее мальчишки, близнецы, восприняли перемены на удивление легко, не ревновали ее к своему

новому отчиму и не испытывали никаких неудобств теперь, когда перестали быть центром ее жизни. Собственно говоря, им даже доставляло удовольствие иметь отца, притом превосходного. Они свыклись и с Лорой, сначала скучным младенцем, а теперь девчонкой: «Мам, наверное, не стоит надеяться, что она изменится – ну, в смысле, вырастет и станет мальчишкой?» Лишившись иллюзий, они смирились с тем, что она вечно мазала по мячу, требовала вновь и вновь читать ей одни и те же слюнявые книжки и не понимала толком правил игры в «Монополию» и «наперегонки». Если что и помогало им, так это ее полное и безоговорочное восхищение каждым их поступком.

Нет, тревогу ей внушал Саймон. Ему уже исполнилось тридцать, но во многих отношениях он казался старше. Вечно отчужденный, почти всегда молчаливый сторонний наблюдатель. Видимо, он так и не завел друзей ни в одной из школ, куда посылал его Хью, или после окончания учебы, и в его обязательных письмах домой ничего о них не говорилось. Учителя писали про него вежливо и уклончиво – кроме учителя музыки, утверждавшего, что у Саймона есть талант, которому следовало бы уделять больше внимания. Недавно он выразил желание пожить у Полли – Джемайма заметила на похоронах, что Полли единственная, к кому он явно привязан. Ему пошли навстречу, он провел у нее почти месяц.

Потом он спросил, нельзя ли ему побыть неделю в Хоум-Плейс, и Рейчел, разумеется, разрешила. «Ведь это же был его дом почти всю его жизнь», – добавила она. Но Саймон, должно быть, уже наслушался разговоров о продаже дома, и Джемайма догадывалась, как они встретили его.

Сегодня вечером она решила не говорить об этом Хью – он только расстроится пуще прежнего. А когда наконец собрала поднос с фруктами и сыром, Хью сказал, что его искусала какая-то мошкара – может, лучше им переместиться с остатками ужина в дом?

Он помогал ей как мог, убирая стол после ужина (удивительно, как ловко у него это получалось – с единственной-то рукой!), и вскоре они устроились на кухне в тишине и покое, прерванных его внезапным вопросом, не хочет ли она еще ребенка. И в этот же миг она заметила, что близнецы стоят на нижней ступеньке лестницы цокольного этажа.

– Мы потихоньку спустились, чтобы вас не напугать, – сказал Том, хотя имел в виду совсем другое.

– Вам пора в постель.

– Мы знаем. Просто вряд ли мы сейчас уснем – очень есть хочется. – Генри обаятельно улыбнулся.

– Вы же слопали гигантский ужин.

– Ужин был самый обычный, да еще давным-давно. Не преувеличивай, мама. В общем, мы оба уже проголодались.

– Был только рыбный пирог, а у нас рыба за еду не считается.

– Малина со сливками – это здорово, но фрукты тоже настоящая еда.

– А какая же тогда настоящая? – Хью закурил, задавая вопрос совершенно мирным, дружеским тоном.

– Ну, нам бы сейчас хотелось...

– Нам сейчас просто необходимо, – перебил его брат, – что-нибудь вроде яичницы с беконом.

– Или сэндвича с вонючим сыром, чтоб было поменьше возни. – Том высмотрел на столе сыр бри.

– Мы можем сами приготовить, мама.

Хью переглянулся с Джемаймой, та пожала плечами:

– Ладно, ваша взяла. Только принесите мне хлеб и доску для хлеба. А то после вас буханка словно истерзана.

Пока готовились сэндвичи, Генри объяснял:

– Понимаете, нам на самом деле очень надо, мы же постоянно растем. А когда растешь, нужно много еды.

Все верно. Они уже переросли Джемайму на целую голову.

– Если мы и дальше будем вас так кормить по шесть раз на дню, – подсчитал Хью, – вы дорастете в высоту до девяти футов.

Это их обрадовало.

– И будем выступать в цирке как самые высокие люди в Англии.

– Скорее всего, в мире.

Почти все разговоры велись с ними обоими сразу.

– Ну а теперь забирайте еду к себе наверх, только не разбудите Лору.

– Будить Лору? Мам, ты в своем уме? Нет уж, не хотим мы больше слушать про ее слюнявого мишку. Конечно же, мы не станем ее будить.

– Хорошо, что она ложится раньше нас: успеваем хоть немного пожить, как взрослые люди, а то она вечно все портит.

Небрежные объятия – и они убежали.

– Покой, – объявила она. Хью протянул через стол руку.

– У тебя просто на диво замечательные дети, вот мне и подумалось, что тебе, может, хочется еще.

– А тебе?

– Я хочу того же, чего и ты.

– Да, а если без этого? – Глаза у него были такие добрые, что с трудом удавалось разглядеть в них его настоящего. – Я о чем: может, ты втайне мечтаешь о них или ждешь, чтобы и мне их захотелось? Вспомни, мы же договорились ничего не скрывать друг от друга. Так вот, мне кажется, что именно это ты сейчас и пытаешься сделать. Я хочу знать, что думаешь ты, а не то, чего жду от тебя я, как тебе кажется.

Последовала пауза, показавшаяся Джемайме слишком долгой. Он отдернул руку, потер ею лоб, и она, увидев это, предложила:

– Хью, милый, давай поговорим об этом завтра.

– Нет. Я ничего не скрывал от тебя. Дело в том, что я не знаю. Конечно, если у нас появится еще ребенок, я буду любить его. Но я не уверен, что выдержу еще раз все то, через что ты прошла. Когда ты рожала Лору, я больше всего боялся, что потеряю тебя.

Оба снова умолкли, вспоминая затяжные и мучительные роды, начало которых она восприняла так спокойно. «Милый, близнецов я родила довольно легко, а мы оба знаем, что на этот раз ребенок только один», – говорила она. Ей было известно, что Сибил потеряла близнеца Саймона, и эта утрата оставила неизгладимый след. А потом потянулись долгие часы, и ему пришлось смотреть, как иссякают ее силы и решимость...

Двадцать четыре часа спустя на свет появилась Лора – окровавленная, плачущая и безупречная. Роды стали испытанием для них обоих. Уклад изменился. Хью не видел, как рожала Сибил, но при родах Джемаймы был с ней рядом от начала до конца. И все эти часы его мучили ужасные мысли, что она не выживет или умрет вместе с новорожденным ребенком, оставив своих детей сиротами. Когда младенца выкупали и они наконец остались наедине, он взял ее руку и тихонько покачал в своей ладони. Хоть он и улыбался, в глазах блестели слезы – чувство облегчения оказалось слишком велико.

– Мне кажется, – с трудом выговорил он сейчас, – я доволен тем, что у нас уже есть. Но только если ты считаешь так же. У Лоры хватает двоюродных братьев и сестер. Родные ей не нужны. Вот так.

– Вот так, – повторила она, поднялась из-за стола и начала убирать с него остатки ужина. – Надо бы навести порядок, пока они не заявили вниз снова и не потребовали еще один гран-

диозный перекус. Ты так мил с ними, Хью. Им почти так же повезло с тобой, как мне... Нет, ты иди наверх, тут дел меньше чем на минуту.

- Что значит это «вот так»?
- Что я с тобой согласна.
- Так я и думал. Просто хотел убедиться.

Саймон, Полли и Джералд

В подготовительной школе его мучила совершенно невыносимая тоска по дому, а потом его отправили в частную школу Рэдли, и все началось заново. К приглушенным всхлипываниям в общих спальнях по ночам все привыкли, и если не считать неизбежных издевательств и насмешек, о них молчали. И дело было не в хороших манерах, а в загадочном состоянии, в котором много чего не полагалось говорить или делать. Дома, в Хоум-Плейс, он сразу понял, как горюют из-за смерти его матери отец и Полли с Уиллсом, но Уиллс-то с какой стати, он ведь совсем ее не помнил. Как ни странно, именно он рассказал Саймону про чувство безысходной печали, о котором даже никому не расскажешь, потому что тебя просто сочтут странным. Если Саймон чему-то и научился в закрытых школах, так это ни в коем случае не выделяться. Быть настолько похожим на остальных, насколько сможешь. И теперь он терялся в догадках, неужели и к остальной жизни применимо то же правило. Потому что пытаться быть как все не только утомительно, но и нудно. С недавних пор он замечал, что его почти все время одолевает скука. Отец и Джемайма относились к нему по-доброму, даже слишком, ведь он, в сущности, ей чужой; близнецы вели деятельную жизнь, Лора была еще совсем малышкой. Особняк на Лэдброук-Гроув он никогда и не считал домом, не то что Хоум-Плейс.

Единственным домом, где Саймону нравилось, был Фейкенем-Холл, потому что там жила Полли. А ее он любил, как никого, и из-за нее даже хорошо относился к Джералду, который никогда не задавал ему дурацких дежурных вопросов вроде учится ли он в университете и чем собирается заняться потом.

С ними Саймон провел месяц: Невиллу он был не нужен, а Полли с мужем никуда не собирались, потому что она снова ждала ребенка. Они решили привести в порядок часть своего громадного заросшего сада, а для этого требовалось выкорчевать уйму полузасохших кустов и сжечь их. Его о помощи не просили, но он вызвался сам и обнаружил, что ему это нравится. В плохую погоду он играл на старом рояле «Бродвуд», стоявшем в одной из комнат, которыми не пользовались. Этот рояль с корпусом из атласного дерева был сильно расстроен, но на нем Саймон мог играть, зная, что никто не явится слушать. Полли вызвала настройщика, а Саймон втайне начал сочинять сонату, которую собирался посвятить ей, когда закончит. Но гораздо чаще в этом августе выдавались жаркие и солнечные дни, и оказалось, что его вовсе не тянет залеживаться в постели по утрам, как раньше, когда он понятия не имел, ради чего ему вообще вставать. У Джералда нашлась книга по садоводству, общими усилиями они начали с обрезки изросшегося самшита в парковом партере, а потом и других, более буйных кустов. В перерывах они устраивали пикники, еду для которых приносили Полли и старая няня Джералда – дивные лакомства, сэндвичи с холодными сосисками, конвертики с яблоками, инжир и виноград из рассыпающихся от старости парников, сидр и лимонад приготовления самой Полли. К ним присоединялись дети, и однажды Элайза и Джейн настояли, чтобы все взрослые пришли посмотреть, как они тренируются, готовясь к своей первой джимхане.

- Эндрю расплакался: собственного пони ему не досталось.
- Ничего не поделаешь, Эндрю, – заявила Джейн, и Элайза поддержала:
  - Таких маленьких пони, чтобы подходил тебе по росту, просто не бывает.
- И Джералд сразу объявил:
- Я и есть самый маленький пони, можешь ездить верхом на мне.

И он рысью двинулся по манежу с Эндрю на спине, петлял между стойками и даже попытался взять маленький барьер. Но к тому времени он уже был красным как помидор и тяжело отдувался, а Эндрю заливался торжествующим смехом и умолял еще, и Полли сказала, что на сегодня достаточно и что Джералд закрыт до тех пор, пока не закончится чай.

– Закрыт? То есть как магазин?

– Вот именно.

– Мама, люди же не магазины, они не закрываются.

Полли сидела в тени под дубом, прислонившись спиной к стволу, а Джералд раскинулся на земле рядом с ней. Вдохновившись, Саймон вынул ручку, написал на бумажной салфетке «ЗАКРЫТО» и положил ее Джералду на грудь.

– Это слово нам не прочитать, – сказала Джейн. – Мы умеем только короткие слова.

– Здесь написано «Закрыто», и вы смогли бы прочитать это слово, если бы попытались.

– А я могу, – вмешался Эндрю. – Здесь написано «Закрыто». Я любое слово могу прочитать, если захочу.

Наконец Саймон предложил отвести девочек расседлывать их толстеньких, взмысленных пони, чтобы потом выпустить их в загон, и Эндрю упросил взять его с ними. За это Саймон заслужил благодарные улыбки обоих родителей.

– Пожалуй, всем нам не помешает отдохнуть до пяти, – решил Джералд. – Пока не станет попрохладнее.

Как только Саймон помог девочкам избавить Лютика и Колокольчика от седел и открыть ворота конюшни, как явилась няня с напоминанием, что время дневного сна для детей уже подошло. По этому поводу, как всегда, поднялась буря протестов: близнецы твердили, что Эндрю должен идти первым – «ему надо спать дольше, чем нам».

– А ну-ка живо снимайте с них уздечки и идите в дом. И чтоб больше я не слышала этой пустой болтовни! Делайте, что велено.

Она дождалась, когда сбруя будет снята и отпущенные пони потрусят в дальний угол загона. После этого дети послушно последовали за няней к кухонной двери, и Эндрю, которого Саймон снял с калитки загона, крепко держался за ее руку.

– Скажите ее светлости, что я их забрала, так что пусть идет побездельничать.

Он пообещал передать, но когда вернулся под дерево, то увидел, что Полли и Джералд заснули, держась за руки. Ему захотелось убрать остатки пикника, развести еще один костер, навывернуть с корнем полную тележку сорняков – хотелось, по сути дела, удивить их тем, насколько он может быть полезным, стать человеком, без которого они не смогут обойтись, чтобы остаться здесь навсегда...

Саймон вдруг понял, что забыл о скуке и уже несколько недель не вспоминал о ней. Работу в саду он очень любил, но еще больше ему нравилось, что Полл и Джералд обращаются с ним как с равным. Вместе с ним они обсуждали свои планы превращения уродливого старого дома в место проведения свадеб и других торжеств, интересовались его мнением, благодарили даже за самые пустяковые идеи. К нему относились как к взрослому члену семьи. Которым, в некоторой степени, он и был. И если они в самом деле намерены сдавать часть дома под проведение приемов, предстоит большая работа, изрядную долю которой он мог бы взять на себя. Он решил серьезно поговорить об этом с Полл, а пока попытаться закончить свою музыкальную пьесу. Потом ему вдруг вспомнилась Дюши. Она наверняка заинтересовалась бы его музыкой, хотя, разумеется, сразу заметила бы, что он и рядом не стоял с «тремя Б», как она их называла. Тут он задумался: неужели мастерства в каком-то деле можно добиться лишь в том случае, если отказаться от всего остального? Так его мысль, не стать ли композитором, была зарублена на корню, потому что он ни в коем случае не хотел провести всю свою жизнь приклеенным к роялю, исписывая нотную бумагу своим скверным почерком. Да, определенно надо как следует поговорить с Полл и выяснить, что она думает по этому поводу. Но только

не в присутствии Джералда, добавил он мысленно: о таких серьезных вещах, как собственное будущее в целом, он мог говорить только с кем-нибудь один на один.

Эдвард и Диана

Она явно взялась за дело всерьез. Как только они вернулись из Франции, она связалась с целой сворой агентов, и с тех пор каждое утро почтовый ящик чуть не лопался от писем насчет домов. Он поставил единственное условие: чтобы выбранное место находилось на приемлемом расстоянии от Лондона, ведь ему придется ездить туда на работу.

Хью предлагал ему переселиться в Саутгемптон и управлять тамошней пристанью, но ему казалось, что Хью просто пытается отделаться от него и таким образом прекратить нескончаемые споры о капиталах, доходах и, конечно, банке. Разлад в отношениях с братом, с которым они всегда были так близки, ранил его в самое сердце. Он понимал, что все дело в Диане: Хью, с точки зрения Эдварда, был совершенно неоправданно предубежден против нее. И не делал никаких попыток поладить с ней, под откровенно надуманными предложениями отказывался поужинать вместе с ними и никогда не приглашал их к себе на Лэдброук-Гроув. Накрылись их тихие вечера за шахматами или бриджем. Изредка они встречались за обедом в одном из своих клубов, но главным образом виделись в конторе, где, вынужденные постоянно отвлекаться, в разговоре они всякий раз топтались на одном месте, без каких-либо шансов продвинуться дальше. Предположения на тот счет, если банк перестанет мириться с их неуклонно растущей задолженностью (он); как рискованно изменится вид книг учета компании, если с Саутгемптоном придется попрощаться (Хью), а если Саутгемптон все же удастся сохранить, кто будет управлять им? Он считал, что им не найти кандидата лучше Макайвера, который служил у них уже тридцать лет, избежав призыва из-за сильной близорукости, и прошел путь от мальчишки-посыльного в конторе во времена двоюродного дедушки Волтера до управляющего одной из лондонских лесопилок. Но Хью настаивал, что управлять пристанью должен кто-нибудь из Казалетов, – следовательно, Руперт, который, видит Бог, не создан, чтобы управлять хоть чем-нибудь, или Тедди, который хоть и подает надежды, но все еще недостаточно опытен.

– Мы почти на месте, дорогой. Сбавь скорость, а то проскочишь поворот.

Рывком и с облегчением он вернулся в настоящее – свое излюбленное. Они подъезжали к дому на окраине Хоукхерста, на колених у Дианы были разложены планы проезда с примечаниями, сделанными рукой агента.

– Вот он! Сворачивай. Приехали!

Он стоял на небольшой возвышенности перед ними – прямоугольный каменный дом с крышей из сланцевого шифера и портиком с двумя каменными колоннами по обе стороны от входной двери. Раньше, видимо, дом окружал небольшой парк, а теперь местные фермеры пасли здесь скот. Он остановил машину на минуту, чтобы сначала осмотреть дом издали. Дом выглядел просто, но производил впечатление величия в миниатюре, которое, как Эдвард точно знал, понравится Диане.

– Чудесный вид. Прямо не терпится посмотреть, что внутри.

Она была взбудоражена с тех пор, как ей прислали подробное описание, и поэтому заметно более ласкова с ним, чем за все время, начиная с поездки во Францию. Он пожал ее колено.

– Тогда едем.

Стояло дивное и благоуханное сентябрьское утро, листья уже пожелтели, но еще не начали облетать. Узкая подъездная аллея заканчивалась распахнутыми воротами с табличкой «Парк-Хаус». Агент, мистер Армитидж, уже ждал их на месте, его велосипед был прислонен к крыльцу. Он с удовольствием поводит их по дому, заверил он, но большинство клиентов

предпочитают делать первый обход самостоятельно. Если понадобится – только позовите. Он отпер входную дверь и сел на ступеньки невысокого каменного крыльца, которое вело к ней.

– Судя по виду, у него адское похмелье, – предположил Эдвард, а Диана отозвалась:

– Наверное, терпеть не может работать по утрам в субботу.

В доме было пусто, и Диана сразу сказала, что ей это нравится. На обоях остались следы там, где висели картины, решетки в красивых каминах засыпала сажа, на ставнях облупилась краска; повсюду наплели сетей благоденствующие пауки, в ваннах подтекающие краны оставили зеленые пятна, в кухне явно расплодилось мыши. Они осмотрели все: спальни, выстроившиеся по размеру от самой большой и роскошной, с окнами по фасаду, до все более и более спартанских, выходящих окнами на задворки; гостиную с окнами на две стороны и большим эркером с видом на обнесенный стеной сад; столовую, сообщающуюся внутренним окошком с кухней; холодную кладовую с каменной плиткой на полу, мраморными столешницами и стародавними липкими бумажками сплошь в мушиных трупиках; промозглую судомойню, еще одну кладовую и в самом конце по коридору – сырую и тесную уборную для прислуги.

– О, дорогой! Лучше и представить нельзя – тебе не кажется? Да еще огороженный сад! Я всю жизнь о таком мечтала! – Она обернулась к нему, ее прелестные гиацинтовые глаза светились радостным волнением и удовольствием.

– Если ты уверена, что тебе хочется, дорогая...

– Да, уверена. И тебе тоже, правда?

– Разумеется, мне тоже. И если тебе хочется его, он твой.

Она закинула обе руки ему на шею.

– Наш дом! Наш первый настоящий дом!

Она поцеловала его, и к нему разом вернулись все былые чувства к ней. Он заполучил обратно прежнюю Диану.

Часть 4

Декабрь 1956 года – январь 1957 года

Хоум-Плейс

– Да уж, и впрямь «о груши»!⁴ Хоть убей, ума не приложу, почему их так называют. Ежели спросить меня, так мороки с ними больше, чем проку от них.

Вот только никто ее не спрашивал, думал Тонбридж. А так Мейбл охотно откликнулась, что бы у нее ни просили – хоть сухое печенье, хоть совет, который она называла «своим мнением». Он задался вопросом, сумеет ли набраться смелости и завести разговор с мисс Рейчел, и решил подождать, пока не представится подходящий случай. И это означало, как он хорошо понимал в глубине души, что не отважится никогда и ни за что.

Он старался изо всех сил. Этим утром он принес дров для каминов, иначе если бы не кокса для кухонной плиты, то угля по карточкам не хватило бы даже до Дня подарков. Съездил в Бэтл за мясом и другими продуктами, занес в дом картошку и лук, накопанные Макалпайном, привез лекарство мисс Сидней из аптеки. Потом была передышка перед семейным обедом, стол к которому накрывала Айлин: в столовой – для взрослых, в холле – для детей и «о груш», двух девчонок-иностранок, которые, моя посуду после завтрака, раскокали две чашки и кувшин и теперь дулись, застилая постели. Это мисс Рейчел наняла их и сказала, что объяснила обеим, чтобы занимались всеми делами по дому, где потребуется помощь. Вот только дома-то их почти никогда и не бывало – учили где-то английский, а когда возвращались, подолгу мыли головы, красили ногти и жаловались на холод.

Дом был набит битком. В прежние времена хотя бы одна из семей наверняка отселилась бы в Милл-Фарм, дальше по дороге, но тот сейчас сдавали. Он занялся подсчетами. Мистер и миссис Хью с ее двумя мальчиками и девчушкой и, конечно, молодой мистер Уильям. Мистер и Миссис Руперт с мисс Джульет и мальчонкой с крысой. Мистер Лестрейндж и мисс Клэри с их двумя детьми. И, конечно, мисс Рейчел с ее подругой мисс Сидней. Хорошо еще, мистер Эдвард с новой миссис Эдвард и всеми своими остались дома, и леди Фейкенем тоже. Да и места для них попросту не нашлось бы – впрочем, мистер Эдвард заезжал на чай в День подарков, и не один. Мейбл прямо чудеса творила, готовя на всех, вот только к вечеру у нее с ногами ужас что делалось. Но справедливости ради все дамы помогали. Не то что в прежние времена. Попробуй-ка застань старшую хозяйку или мисс Рейчел с пылесосом. Так тогда и прислуга была, все как полагается, а дамы знай себе шили или гулять ходили, в теннис играли да ложились подремать в разгар дня – кроме старшей хозяйки, которую из сада было ничем не выманить.

Пора и честь знать. Он проглотил остаток пирога с сыром, смахнул крошки с брюк и пустил чуток ветры, прежде чем выйти из уютной комнатки при кухне, где всегда хозяйничала Мейбл (сколько раз ему случалось заморить здесь второпях червячка, объясняя, как устроен мир, ведь в этом она, женщина, мало что смыслила...).

В кухне он застал меньшого мальчонку мистера Руперта, который спрашивал, что на обед.

Макароны с сыром и бисквит с патокой, ответила ему она. И продолжила взбивать тесто для бисквита в огромной миске.

---

⁴ «Au pairs» (фр. иностранки-помощницы по хозяйству) созвучно английскому «o pears» – «о груши» (прим. пер.).

– О, здорово! Люблю бисквит с патокой. Знаете, – он забрался на табурет, стоящий рядом с ней, – я только хотел узнать, нельзя ли мне кусочек сыра без макарон? Один только маленький кусочек? – Он погладил ее по руке. – Это же не для меня. Макароны с сыром я очень люблю, а это для Риверса.

– Это кто же такой?

– Мой друг. Вообще-то он крыса, но совсем не такой, как другие крысы.

– Не вздумайте притащить его ко мне на кухню.

– Не буду, – он потихоньку запустил руку в глубокий карман, в котором обычно носил Риверса, и придержал его там. – Только один малюсенький кусочек, можно с корочкой, он не против.

Упершись коленкой в стол, он взял ее за руку и заглянул в лицо. И она сдалась. Отложив ложку, она направилась в кладовую. Пока она возилась там, отрезая сыр, он окунул палец в миску с тестом, загреб побольше и быстро облизнул. Было вкусно, даже лучше, чем готовый бисквит.

Она вернулась с изрядным ломтем чеддера.

– Вот вам, и идите себе, и не вздумайте принести сюда эту тварь.

– Обещаю! Спасибо вам большое, – он сполз со стола и убежал.

– Постреленок. Вылитый мистер Руперт, – добавила она, чтобы объяснить ему, отчего так расшедрилась.

– Ты любому готова раздать что угодно, – нежно сказал он и этим рассердил ее.

– Чего я не выношу, так это когда ты стоишь над душой, пока я делом занята. – Огромная заколка-невидимка плюхнулась прямо в миску. – Да чтоб тебе пропасть! Смотри, что я из-за тебя наделала!

Настолько несправедливые упреки служили у них серьезным предостережением.

– Пойду чистить машину, – объявил он, старательно притворяясь обиженным.

Она фыркнула.

– Ох уж эти мне твои машины, – сказала она. – Только смотри, к ужину не опоздай. Посылать его тебе с этими «о грушами» я не стану.

Она почти сразу уяснила, что угрозы они не представляют: женщины, у которых лишь кожа да кости, ему не по нутру.

Семья

Рождество имело шумный успех, хоть и началось с рыданий младших детей, которые проснулись задолго до семи – часа, когда им разрешалось наконец заглянуть в свои чулки. Худший из скандалов разразился в большой комнате, которую называли «комнатой с бельевым шкафом», потому что там стоял сушильный шкаф, слегка подогреваемый трубой от кухонной плиты, хотя и здесь видели поднимающийся над постелями пар в тех редких случаях, когда в них клали горячую грелку. В этой комнате теперь разместились близнецы Генри и Том в спальных мешках на полу, Гарриет и Берти – дети Клэри, Джорджи и, после долгих препирательств, Лора, которой ясно дали понять, что это лишь на один Сочельник. Ей было велено во всем слушаться Тома или Генри, и она, потрясенная тем, что наконец добилась своего, дала торжественное обещание. Едва все родители вышли, Генри вытащил из-под кровати доску для «Монополии», включил фонарики – свой и Тома, и игра началась. Нет, остальным нельзя: фонариков на всех не хватит и вообще партия уже в разгаре. Лора начала было всхлипывать, но ей пригрозили, что позовут Джемайму и ее отправят обратно в комнату к родителям. Джорджи ни на кого не обращал внимания, переправляя Риверса из клетки к себе в постель, но бедняжка Гарриет сочла себя несправедливо обделенной. «Мне же восемь, – твердила она, – и

я прекрасно умею играть в эту игру». В конце концов она так утомилась от обиды, что укрылась одеялом с головой и уснула.

Всем, кто остался внизу, нестерпимо хотелось разойтись наконец по спальням. Рейчел так и сделала, следом ушла Сид. Почти весь день они провели, наряжая большую елку. Еще давным-давно Бриг постановил, что дерево должно быть живым, а Дюши – что свечи настоящими, «а не этой пошлой чепухой с электрическими лампочками». Зоуи бережно раскладывала подарки под елкой, а чулки – длинные и толстые, в которых мужчины выезжали на охоту и гольф, – на одном из диванов, в том числе совсем крошечный, предназначенный, как она сказала, для Риверса. «Джорджи специально попросил», – пояснила она, слегка порозовев. На сыне она помешалась, но не хотела, чтобы ее в этом уличили остальные. Руперт обнял ее, Арчи заявил, что идея отличная. Было решено, что переправить чулки наверх помогут все, но для того, чтобы развесить их на спинках кроватей, понадобится всего два человека.

Клэри прикорнула на диване. А когда Арчи разбудил ее, заявила, что быть ребенком гораздо приятнее, чем взрослым.

– Обычно я лежала в постели и изо всех сил зажималась, делая вид, что сплю, пока ты или папа прокрадывались в комнату с моим чулком.

– И ручаюсь, открывала глаза в ту же минуту, как я поворачивался к тебе спиной.

– Конечно, нет! Мы давали честное слово, что не станем. Поэтому открывал глаза только Невилл. И говорил, что скрестил пальцы, когда давал честное слово, так что это не считается. Он всегда выкручивался.

– В постель, – скомандовал Арчи так решительно, что все поднялись и каждый взял свою долю чулок.

– Поскольку доступ в гостиную будет открыт только после обеда, лучше запереть дверь, – Хью повернул в замке ключ и отдал его Джемайме.

– Я в большую детскую, – прошептала Зоуи. Ей хотелось убедиться, что носок для Риверса висит там, где надо.

Джемайма повесила чулки для своих мальчишек, Руперт – для Джульет и Луизы, и на этом вечер закончился.

* * *

Ночь для Джемаймы выдалась короткой: Лора перебудила плачем всех остальных.

– Она хочет свой чулок, но получит его только через пятьдесят девять минут. Мы положили его на шкаф, куда она не достанет, и я назначил ей время на семь, – Генри и Том выглядели до отвращения довольными собой.

– Семь не наступит никогда! – всхлипывала Лора.

– Ну вот, она проснулась как раз, когда я так разоспался, – захныкал семилетний Берти, всего годом старше бедняжки Лоры.

– А может, пойдем в комнату к маме и папе, там и посмотришь свой чулок?

Но это было уже совсем не то.

– Я хочу смотреть свой чулок вместе с большими детьми.

– Вообще-то, – вмешался Генри так доброжелательно, как только мог, – ты нам здесь совсем не нужна.

Это возмутило Гарриет.

– Но вы же ее братья! Так нельзя...

– Да, конечно, мы ее братья. Но она еще совсем маленькая. Вот подрастет – и мы сводим ее и в зоопарк, и в ночные клубы...

Лора перестала плакать.

– Какие ночные клубы?

- Конечно же, клубы, которые работают всю ночь, глупая.
- Не называй свою сестру глупой.
- Но мама, она же правда глу-у-упая.
- Кстати, осталось всего сорок девять минут.
- Ну вот, Лора, выбирай: или пойдешь со мной, или останешься здесь и больше плакать не будешь. Очень советую тебе пойти со мной.
- А я очень советую нет.
- Ладно. Мальчики, ведите себя как следует.

Мгновение после ухода Джеммаймы в комнате было тихо, а потом близнецы покатались со смеху.

- «Ведите себя». А кого нам еще вести как следует? Ну, правда!

Джорджи, который за все время скандала не проронил ни слова, тихонько поманил Лору к себе. Он уже оделся, не вылезая из-под пухового одеяла, и теперь соорудил из него палатку. В палатке разместился Риверс, деловито разворачивая крошечный подарочный пакетик и уже зная, что в нем сыр. Рядом лежал его персональный рождественский чулок. Джорджи, в добром сердце которого хватало места не только крысам, знал, что Лора, глядя, как радуется Риверс, тоже воспрянет духом, и не ошибся. К тому времени, как Риверс исследовал, а во многих случаях и съел содержимое своего чулка, почистил усы и лапки и наконец устроился спать в своей любимой позе, обернувшись вокруг шеи Джорджи, Генри и Том объявили, что уже семь часов.

Все бросились за своими чулками, а Лора захотела заглянуть в свой, сидя на кровати Джорджи. «Только один разок», – предупредил он, не желая, чтобы она прицепилась к нему на целый день. Распаковка подарков сопровождалась воплями радости, но случались и разочарования.

– Заводная лягушка! – с отвращением воскликнул Джорджи. – Ведь ясно же, что я хотел живую!

* * *

– На самом деле из таких развлечений я уже выросла. – Джульет сидела на постели, выпрямив спину и стараясь придать себе скучающий вид перед тем, как придет время заглянуть в чулок.

– Правда? А я их обожаю. Давным-давно уже не получала подарков. – Луиза тоже села и теперь подтянула поближе свой чулок. Ее белая ночная рубашка была отделана голубым шифоном. Она совсем как кинозвезда, думала Джульет, особенно длинные золотистые волосы, ниспадающие на плечи.

И Джульет, которая всегда спала в пижамах по примеру всех ее лучших подруг, решила впредь отдавать предпочтение ночным рубашкам. Но от этого ее рыжевато-каштановые волосы не станут золотистыми. И грудь у нее, как она успела заметить, крупнее, чем у Луизы. Она задумалась, не слишком ли ее грудь велика.

Луиза углубилась в свой чулок: на свет уже были выложены набор мыла «Морни», симпатичный шелковый шарф, карманный ежедневник в красной кожаной обложке, стопка разноцветных носовых платочков из льна, зубная щетка «Мейсон Пирсон» и тюбик крема для рук.

- Ну же, Джулс! Если не хочешь открывать свой чулок, тогда я им займусь.

Все, хватит с нее взрослого равнодушия. Она ждала только уговоров, и если честно, уже извелась от нетерпения. Начало получилось малообещающим.

– Кольдкрем «Понс»! Увлажняющий крем! И кусок дурацкого мыла. В самом деле! Я же не ребенок!

– Какая-нибудь ерунда попадаетея всякий раз. Я распределяю свои подарки по двум кучкам – удачные и неудачные.

Дело пошло веселее. Длинная узкая коробочка с аккуратно свернутыми лентами для волос из шелковистого бархата необычных и красивых цветов. Марказитовая брошка в виде бабочки.

– У тети Зоуи прекрасный вкус, – заметила Луиза. – Чего не скажешь о моей маме.

– У нее вкус плохой? – Джульет наострила уши: она понятия не имела, что такое этот плохой вкус.

– У нее вообще нет вкуса. Ну, знаешь, кремовая краска повсюду и панно из древесного шпона на стенах – в таком роде. – Ей вспомнился дом на Лэнсдаун-роуд. В то время она не имела ничего против такого интерьера, но было кое-что и помимо него... – И жуткая одежда. Когда мне было восемь, она заставляла меня носить бутыльно-зеленый шелк, когда все одевались в розовую и голубую тафту. И бронзовые чулки.

– Боже! Не повезло тебе. – Ее так и подмывало расспросить Луизу о ее жизни – судя по тому, что она слышала, трагической и захватывающей. Луиза побывала замужем (это Джульет помнила), у нее был ребенок, который жил с его отцом и мачехой. Она развелась и обосновалась в какой-то обшарпанной квартирке вместе с лучшей подругой. Демонстрировала одежду – высший шик, почти как быть кинозвездой, и Джульет хвасталась этим в школе. Поселиться с Луизой в одной комнате было просто чудесно, но Джульет запретили приставать к ней с вопросами, и она старалась задавать их поменьше.

– А что мы будем делать с неудачной кучкой?

– Красиво завернем и передарим девушкам au pair. А мыло – пожалуй, миссис Тонбридж и Айлин.

– Гениально.

Они оделись, и Луиза очень любезно перевязала волосы Джульет одной из только что подаренных бархатных лент.

Невилл и Саймон

Невилл чуть было совсем не отказался от поездки в Суссекс. Отвертевшись от семейного сборища на Рождество под предлогом работы, он запросто мог сказать, что занят и в День подарков. Но ему помешал Саймон.

– Когда я согласился поработать на Рождество, ты обещал сегодня подвезти меня до Хоум-Плейс.

– А что тебе мешает поехать поездом, как другим людям?

– Денег нет.

– А как же премия, которую я тебе выплатил?

– Потратил на подарки. Едва хватило. Десять фунтов! Так или иначе, ты обещал. И твой отец расстроится, если ты не приедешь. И Клэри тоже... Только подумай: праздничное угощение задаром, – продолжал соблазнять он минуту погодя. – На День подарков там всегда готовят копченого лосося и рождественский пудинг-фламбе.

Невилл призадумался.

– Ладно уж, – наконец сказал он. – Только ради тебя.

Саймон знал, что Невилл если и делает что-нибудь, то лишь ради себя, но промолчал. Они собрались ехать, и это было главное.

Сильно похолодало, солнце проглядывало лишь изредка; когда они приближались к Севеноукс, начало накрапывать, а к Хоум-Плейс подъехали уже под проливным дождем. Почти все дети были увлечены громадным пазлом, собирая его на полу в холле.

– Это «Смена караула». Ужас какой сложный, сплошь красные мундиры, черные лошади и небо. Привет, Саймон и Невилл.

– Для тебя – дядя Невилл. И для тебя, Гарриет.

– Ладно, тогда привет, дядя Невилл, – повторила она дурашливым тоном, и остальные подхватили.

Как раз в эту минуту Айлин, старательно обходившая собранные участки пазла по пути из кухни в столовую, объявила собравшимся в гостиной, что обед подан, и все вышли и заперли за собой дверь. Саймону и Невиллу обрадовались и удивились.

– А как насчет наших подарков? – перецеловавшись со всеми, поинтересовался Саймон.

– Подарки же всегда в гостиной.

– Вот и я хочу положить туда свои.

– А мне незачем: все, что я купил, – это для всех. Мне показалось, будет неплохо.

Саймон знал, что Невилл вообще ничего не покупал, просто завернул вещи, которые надарили ему в редакции газеты богатые клиенты: филе копченого лосося, две коробки баснословно дорогих шоколадных конфет, бутылку шампанского и еще одну, с абрикосовым бренди, флаконы туалетной воды от «Флорис» и «Пенхалигон», ежедневник от «Смитсон», дорожные часы в футляре из питона и, наконец, с полдюжины галстуков от «Флоренс» – сам он их никогда не носил. Столько дорогих подарков, а он ни гроша не потратил, с завистью думал Саймон, мысленно перебирая собственный жалкий вклад: носки для отца, крошечный шифоновый шарфик для Джемаймы, батончик «Марс» для Лоры (потом он купил по такому же и всем остальным детям), флакончик с надписью «Лавандовая вода» на этикетке, но пахнущий чем-то совсем другим, – для тети Рейчел... Всем перечисленным он разжился в «Вулвортсе», и на этом его деньги кончились. Ладно, его чувство неловкости заглушит холодная индейка и все то вкусное, что к ней прилагается. А когда дело дойдет до новогодних обещаний, он примет решение разбогатеть до неприличия, чтобы в следующем году приготовить всем подарки вроде меховых шуб и автомобилей, а может, и одного-двух самолетов, чтобы все изумились, а он стал всеобщим любимчиком. К обеду он явился в приподнятом настроении. Приятно было в точности знать, как все сложится дальше, когда впереди настолько жизнеутверждающее событие, как рождественское застолье.

* * *

Предполагалось нечто знакомое с давних пор – вроде вчерашней индюшачьей ножки, попыток спрятать под обедками начинку из каштанов, кому-то не хватило хлебной подливки, у детей только и разговоров, что о никудышных подарках, Лора расплакалась, потому что ее индейский головной убор с перьями свалился к ней в тарелку (а в прошлом году была корона из золотой бумаги с поддельными драгоценными камнями) – все то же старье.

Но нет, ничуть не бывало, потому что Невиллу, поднявшему глаза от своей тарелки, предстало – точнее, ошарашило его – видение такого совершенства, такой изумительной красоты, что он надолго оцепенел, как будто его оглушили или ударили ножом в сердце.

По прошествии неизвестного количества времени он осознал, что не дышит, потом забеспокоился, как бы кто-нибудь не заметил, что с ним стало. Эта дымка, окутавшая тех, кто сидел по обе стороны от нее, наконец рассеялась, и он увидел Саймона и одного из близнецов. Обвел взглядом стол, но все были заняты едой и разговорами. Единственным человеком, насчет которого он сомневался, оказалась Сид, сидящая наискосок: в тот момент (или когда он еще не дышал?) она встретилась с ним взглядом и улыбнулась – украдкой, словно у них имелась общая тайна.

Он всегда был скрытным. На всю жизнь он запомнил черную пучину отчаяния, которое охватило его, когда отец, оказавшийся, по сути дела, пленником во Франции, прислал записку

Клэри, а ему – нет. С тех самых пор он взращивал в себе безразличие в сочетании со стремлением к эпатажу. Своей матери он не знал, так как она умерла, когда рожала его, и, в сущности, не тосковал по ней, потому что у него была Эллен, его няня, вдобавок он быстро понял, что окружающие добрее относятся к нему, узнавая, что у него нет матери. После школы он отказался поступать в университет и выбирал скучную, но хорошо оплачиваемую работу, чтобы покупать любую одежду, какая понравится. Он приобрел и фотоаппарат, совсем недорогой, и начал делать снимки. И сразу же обнаружил, что это ему нравится, и уболтал один журнал взять его на должность фотографа, уверяя, что имеет опыт работы в Штатах. Дорогая одежда и уверенность в себе в сочетании с обманчивым впечатлением скромности помогли ему достичь положения, в котором он уже мог выбирать, за какую работу браться. Ответственный, творческий и в целом крепкий профессионал, он справлялся с любыми задачами и умел в случае необходимости пройти по тонкому льду. Журнал «Кантри Лайф» готовился к запуску цикла «Как живет другая половина», он должен был приступить к работе в Новый год, и ему не терпелось пофотографировать замки и великолепные особняки, запечатлеть которые наверняка поручат ему.

Его светская жизнь была насыщенной, насколько ему того хотелось. Девушек тянуло к нему почти всегда, а порой и мужчин тоже. Он экспериментировал и с теми, и с другими, но из этого так ничего и не вышло. Он не испытывал удовольствия от секса и никак к нему не относился. Считал, что просто не нуждается в нем, и только.

И вдруг неожиданно-негаданно появилась Джульет. Должно быть, прошло не меньше года с тех пор, как он видел ее в последний раз, и за это время она из обычной нескладной круглолицей школьницы с злополучными прыщами, насколько ему помнилось, и тугими косичками, превратилась в совершенно дивную незнакомку: теперь ее прическа подчеркивала темно-каштановый, с красноватой искрой цвет волос, зачесанных назад, стянутых переливчатой, павлиньего цвета бархатной лентой, так что взгляду открывались ее изящные ушки; лицо преобразилось, обозначились высокие скулы, бледная кожа с розоватым оттенком была безупречна, длинные узкие глаза сохранили цвет зеленоватой воды. А когда-то он считал глаза единственным, что есть в ней хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.